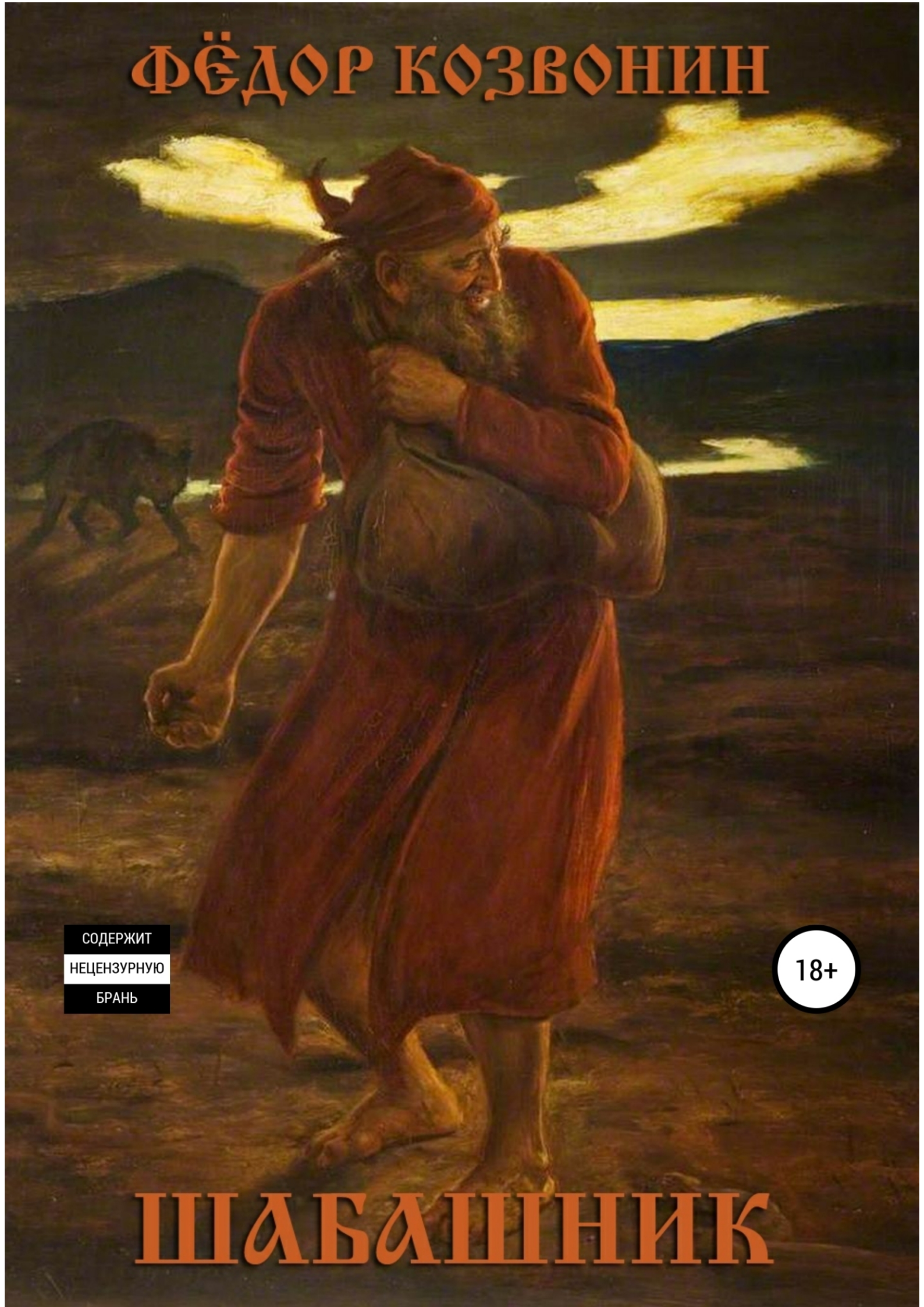

ФЁДОР КОЗВОНИН

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

ШАБАШНИК

Фёдор Козвонин

Шабашник

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Козвонин Ф. Р.

Шабашник / Ф. Р. Козвонин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-97021-2

Перед вами поэма о необходимых, но ненужных людях. О соли бессолой земли и о надежде, что город-сад всё равно будет. О столице, о провинции; о провинции в столице и о провинциальной столичности. Книга для тех, кто прожил десятилетия и готов с головой ринуться в двадцатые. Это рассказ с рассеянной и тревожной улыбкой на лице. Роман – наследник всех своих родных. Полемичная история с надеждой на то, что диалог породит если не истину, то понимание. Магический соцреализм с хтоническими замашками. Притча о том, что в тоннеле крошечной серости за поворотом есть свет. Лауреат премии "В поисках правды и справедливости" - 1 место в номинации "Молодая проза России". Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-97021-2

© Козвонин Ф. Р., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава I	6
Глава II	17
Глава III	25
Глава IV	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Фёдор Козвонин Шабашник

И если кто-нибудь даже
Захочет, чтоб было иначе,
Бессильный и неумелый
Опустит слабые руки,
Не зная, где сердце спрута

И есть ли у спрута сердце...
Аркадий и Борис Стругацкие
«Трудно быть богом»

«Я чувствую, что мою страну опорочили, а я хотел, чтобы у нее было доброе имя; у нее всегда было доброе имя; порой я сижу и гадаю, кто ж это опорочил мою страну?»

Татанка Йотанка (Сидящий Бык)

Глава I

17.09.201... года. Киров.

Ярко-красными лучами Солнце играло на спицах велосипедного колеса, катившего вдоль железобетонного забора электроподстанции. Грунтовая дорога вела к деревне и надо сказать, что деревня тут была задолго до электроподстанции.

Мимо металлических ворот в бетонном заборе ехал красивый чёрный велосипед, на каких обычно ездят подростки, молодые пенсионеры, бородачи-хипстеры, политики-популисты, физкультурники или творческие натуры, которым права на автомобиль не положены; словом, все те, кого называют гражданами с активной жизненной позицией. На велосипеде ехал мужчина – не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтоб стар, однако ж и не так, чтоб слишком молод. Его звали Сергеем и на его голове поверх бейсболки были надеты наушники с чёрным обручем оголовья, за спиной был рюкзак. Сергей на ходу пнул валявшееся на обочине мягое жестяное ведро с ручкой и насквозь проржавевым дном. Ведро с грохотом и треском улетело в кусты, где немного пошуршало откалывающейся эмалевой краской, чтобы потом пропасть навсегда. Когда я проходил весной следующего года по этой дороге, то никакого ведра в кустах не было. Один Бог ведает, куда оно подевалось.

Подъехав к своему дому, молодой человек спешился, закатил велосипед куда-то внутрь и через пять минут, уже переодетый, вышел в расположенный за домом большой огород. Солнце клонилось к западу и своими пронизательными лучами пробивалось через беззаботно шелестящие листья разросшейся ирги, до которой Сергей ещё не успел добраться с секатором, потому что у него в руках была лопата. Неделю назад Сергей выкопал картошку и теперь перекапывал землю.

Десять дней назад Сергея уволили с работы. Уволили, просто поставив перед фактом и даже не стали придумывать причины, чтобы указать на дверь. Дело было в том, что для большой фирмы, где он работал, наступили не самые лучшие времена и было принято решение несколько сменить профиль деятельности. В новый профиль Сергей уже не вписывался. С формальной точки зрения, дело было обстряпано ловко и кругло: фирма была поделена на несколько мелких фиктивных индивидуальных предпринимательств и тот индивидуальный предприниматель, за которым по документам числился Сергей, ликвидировался. То есть предприниматель как личность ещё существовал, но все его недавние полномочия теперь готовились делегировать какому-то другому зицпредседателю.

Конечно, можно было написать в прокуратуру или в трудовую инспекцию. Конечно, они бы прижали к ногтю подставное лицо, на имя которого был составлен трудовой договор: описали бейсболку с прямым козырьком, шорты и кроссовки. Его бы признали негодяем, сказали бы: «Ай-яй-яй, как нехорошо!» и испортили дальнейшую предпринимательскую жизнь, но Сергею от этого вряд ли стало бы легче: движимое и недвижимое имущество дороже пяти-сот рублей благополучно переписано на маму пенсионерку и выйдет так, что бывший начальник живёт в этом мире на иждивении, доходов не имеет и взять с него нечего, хотя ещё вчера он так старательно и убедительно корчил из себя владетельного князя с не сходящей многомудрой ухмылочкой. На деле вчерашний игемон даже не нашёл сил лично объявить об увольнении – по телефону с Сергеем говорил руководитель параллельного звена, а в офисе ждал бухгалтер. При этом тот, кто действительно принимал решения, тот, кто владел и распоряжался предприятием через череду доверенностей, подставных фирм и юридических лиц, был недоступен

для претензий законным порядком. Разве что в окно ему кирпич бросить. Но от этого Сергею точно не стало бы легче.

Поэтому Сергей решил не заморачиваться битвой с ветряными мельницами, а спокойно написал заявление об увольнении, получил на руки документы и пошёл искать работу.

Хорошо, что Сергей был парнем не гордым и рукастым – многое в этой жизни успел попробовать, поэтому надеялся, что на разосланные им резюме в конце концов придёт ответ. Но время шло, а работы не было. Зато был огород, копание в котором было чем-то средним между исполнением религиозного обряда и занятием физкультурой: привычкой, способом отвлечься и забыться.

На эти сельскохозяйственные мытарства внимательно смотрел Андрей Иваныч, который прямо сейчас стоял у забора и хлопал себя по карманам в поисках сигарет. Облокотившись на забор и сложив ладони замком, Иваныч опустил голову так, что выбритый подбородок лёг на основание большого пальца правой руки, в то время как ладонь правой руки и большой палец левой почти полностью закрыли рот. Вытянув шею, чтобы губы поднялись выше скрещенных пальцев, он крикнул:

– Бог в помощь!

Сергей встрепенулся, резко обернулся, но, увидев знакомое лицо, снял наушники:

– О, здравствуй, Иваныч! Дай огоньку. Как твой кот?

Иваныч снова похлопал себя по всем карманам, хотя точно помнил, что зажигалку он положил в левый нагрудный. Как-то само собой получилось.

– Да ничего, выздоровел вроде – глаза больше не слезятся, да и сам поправился, а то был тощим, как твой велосипед...

– А чем болел-то он? Выяснил хоть? – озабоченно и с ноткой сомнения спросил Сергей.

– Да какой там! Кололи ему три дня лекарства, которые в клинике дали – два витамина и один антибиотик. Я, главное, сколько не допытывался до того коновала, а так и не вызнал, что он Ваське моему диагностировал, – Иваныч прикурил и, поперхнувшись, выпустил дым уголком рта. – Не, хорошо устроились, а? Лечат от чего попало – только денег им дай, ага. Косарь содрали прямо как с куста!

– Нормально, блин! – от удивления Сергей хлопнул себя ладонью по бедру. – Я весной от пневмонии лечился и за таблетки и уколы отдал сотен шесть. И это три недели лечения.

– Вот! А я кота три дня лечил. Нет, давно пора прижать эти шараги – понимают, паразиты, что раз животное не скажет, что и где у него болит, то с хозяина можно драть, как со сволочи. И ведь не скажешь тоже, мол, жалко денег – пусть подышает? Нет ведь!? А поди его разбери – может, это у животного, как простуда у человека – лечи-не лечи, а само через неделю пройдёт. Или действительно животное при смерти и потом всю жизнь себе вспоминать будешь, как денег пожалел.

– Так да, на это у них и расчёт. Кстати, я тут прикинул, а ведь мой кот лучше моего питается! Вот я только что из магазина: пятихатку потратил, а из неё три сотни на корм коту. Ещё хорошо, что я на велике, а так бы на проезд ещё сорокет ушёл.

– Да, вот ты про проезд сказал. Видал, что на вокзале делают? Гляди, билет в кассе брал, а мне вместо одной бумажки две суют. Что за дела такие, думаю, но у кассы разбираться не стал – сзади очередь напирает. А в поезд сел, гляжу – во! Уже сами себе рекламу покупаем.

Опустив руку в правый нагрудный карман куртки, он достал и протянул Сергею билет с прикрепленной к нему скрепкой степлера рекламкой. Сергей мельком посмотрел на строчки и его глаза загорелись восторгом.

– Слушай, Иваныч, тебе ведь эта бумажка не нужна? Можно я возьму?

– Да бери, конечно, ни во что она мне не упёрлась... – Иваныч довольно усмехнулся и барственно приосанился, но тут же, как будто спохватившись, взмахнул рукой в каком-то

театральном жесте. – Кстати! Я ведь чего зашёл-то? Дело у меня к тебе, шабашка. Я только спешу сейчас, а к тебе вечером загляну, чтоб подробно обсудить?

- Да не вопрос. Буду ждать.
 - Варенья принесу свежего, чаю попьём.
 - Ну, вот и договорились!
- ***

Придя домой, Сергей внимательно рассмотрел рекламку, в которой говорилось о том, что в самом центре Москвы действует организация, помогающая трудоустроиться всем встречным и поперечным – столярам, плотникам, каменщикам, охранникам, водителям, поварам, грузчикам, разнорабочим и дворникам. Зарплата, конечно, не астрономическая, но приятная – выходило значительно больше, чем Сергей получал раньше.

Чтобы разузнать подробнее, Сергей зашёл по первой выскочившей в поисковике ссылке. Вроде и тут всё в относительном порядке – да, находились негативные реплики, но сдержанно-хвалебных отзывов было больше. Получается, что работа себе и работа: не хорошая и не плохая. Нормальная.

– Значит, если ещё неделю ничего не нарисуетя..., – сказал Сергей своему коту и почесал его за ухом. Кот зажмурил глаза от удовольствия.

Иваныча Сергей знал с самого детства. Конечно, тогда он был не «Иваныч», а «дядя Андрей» – друг и коллега отца. Отец развёлся с матерью в середине девяностых и сгинул где-то без вести на ниве строительства новой личной жизни – сына и бывшую жену он излишним вниманием не обременял. Сергей его почти не помнил. Покойная мать тоже редко вспоминала бывшего супруга. Иваныч же, у которого была дача в соседнем с деревней садоводстве, всегда при встрече радушно приветствовал Серёжу шутками-прибаутками. Когда Серёжа подрос, то Иваныч радушно одалживал его инструментом или дельным советом, на том и сдружились. Ну, не то, чтоб уж закадычными друзья стали – разница в возрасте создавала известную дистанцию, но приятелями были близкими. С отцом Сергея Иваныч не поддерживал отношений тоже где-то с середины девяностых: что-то они тогда не поделили. Тогда же Иваныч вышел на пенсию по инвалидности из-за производственной травмы. Что это была за травма и чем занимается Андрей в свободное время, Сергей не знал – ну, дачник себе и дачник.

Ровно в семь вечера в окно постучали.

– Снова здравствуй, дорогой! – Иваныч махнул раскрытой пятернёй.

Сергей поспешил открыть дверь и впустить гостя. Пока Андрей снимал камуфляжную куртку, Сергей суетился у стола:

– А я как раз чай заварил. Иваныч, тебе сколько сахара?

– Без сахара, что ты! С вареньем же. На-ка вот, держи банку – вчера только варил, ещё утром тёплое было. Яблочное, с корицей.

– Может, моего попробуешь? Облепиховое, тоже свежее, – Сергей было подался к буфету, но Иваныч остановил его порыв:

– Не, лучше яблочного. От облепихи изжога у меня. Не уважаю эту ягоду манчжурскую.

Пожав плечами и положив добрую треть банки в вазочку с претензией на хрусталь, Сергей всё же ушёл к буфету, откуда достал пакет сушек и пересыпал в такую же, как вазочка, хрустальную салатницу. Сушки были с маком. Хозяин разлил заварку по чашкам. Иваныч о чём-то подумал и махнул рукой:

– Ай, ладно. Положи одну ложку сахара!

Сергей улыбнулся и насыпал в горячий чай ложку с препорядочной горкой.

– Слушай, а ты никогда на вахту не ездил? – с каким-то нетерпением спросил Сергей.

– Нет, сам-то я не ездил, – Иваныч будто ждал этого вопроса. Он с достоинством поднёс к носу чашку, с видимым удовольствием понюхал, но отставил в сторону. Горячо. – Я же всё

на заводе своём. Брат вот ездил когда-то на Север, большую деньги там зашибал, но это давно было, год девяносто пятый, что ли? Что точно помню, так что страху он там натерпелся – караул. Прикинь, их после вахты прямо на перроне вокзала бандиты на пушки поставили. – Андрей посмотрел Сергею прямо в глаза. – Но пронесло. Повезло, говорит, потому что боялся деньги пропить и положил их на самое дно сумки, в носки – под свитерами, штанами, трусами, шапками... Спяну он бы туда не полез, а в кошельке была мелочь – её-то братки и забрали не глядя. Но некоторые работяги бесплатно, считай, отработали. Брат ещё говорил, что у иных бандитов рожи знакомыми были: вроде он кого-то из их в охране месторождения видел. Больше брат туда не ездил.

Сергей как-то совсем безвкусно отхлебнул чая, обмакнул сушку в варенье, откусил половину и, тщательно прожевав, высказал кому-то, кого не было за столом:

– Ну, теперь-то на вокзалах полицейские дежурят, да и деньги не наликом дают, а на карту переводят... – тут он снова посмотрел на Иваныча. – Просто я чего? Меня твоя рекламка заинтересовала – сию, прикидываю. Может, рвануть, а?

– Это с билета-то которая? Да хрен его знает. Хотя столица наша, конечно, город богатый... Неужели ты здесь работу найти не можешь?

– Сколько уже ищу, а ничего подходящего нет! На четыре собеседования ходил – одно что «мы вам перезвоним». И на моё резюме результат один – по три раза в день звонят и предлагают менеджером быть по продажам. Я сперва удивился, подумал – а чего бы и нет? Приехал к ним в контору, которая в новом БЦ на берегу реки у моста, знаешь? Вот. Приехал туда, значит, на двенадцатый этаж поднялся, а там всё чинно, благородно – девушка красивая в блузке и галстук за стойкой. Анкету, значит, заполнил, сию на диване кожаном, вызова жду, готовлюсь. Ну, думаю, повезло мне наконец – теперь бабло грести лопатой буду! Вызвали. Сидит в кабинете дядька такой солидный, в пиджаке и сразу, с ходу прямо давай мне рассказывать, как он так же, как и я, два года назад пришёл в эту же организацию, но только в Казани. На мои ноги поглядел и говорит, что тоже денег на кроссовки нормальные не было, но через три месяца он машину купил, ещё через год подразделением руководил, а теперь сам открывает такой же центр в Кирове, потому что контора у них инновационная, передовая и методы европейские, но интегрированные в отечественные реалии. Я весь расплылся, представляя, как себе Ниву-пятидверку к новому году куплю, но потом соображаю, спрашиваю, а что делать-то надо? А он мне, мол, мы такие-растакие-этакие...

– Наркота что ли? – Иваныч усмехнулся от своей догадки.

– Да нет. Короче, полчаса он воду лил и по ушам ездил... Смысл такой – ездить по райцентрам и там страховые полиса пенсионерам втюхивать, убеждать их в том, чтобы они свои пенсии переводили в наш негосударственный пенсионный фонд. Работать я буду за процент и формула расчёта там какая-то очень мутная – большую часть денег я получу потом, как раз месяца через три, когда все бумаги пройдут и всё оформят. А до того времени мне причитается тридцать рублей за один полис и оклад восемь косарей, но через два месяца будет аж по пятихатке сверху за каждый заключённый договор.

– А что ж ты, по подъездам бегать будешь? Где пенсионеров-то этих брать?

– Иногда и по подъездам, но в основном, типа, какую-то стойку в поликлинике или на почте ставить будут. Типа, ходит туда народ с как раз с документами и там можно их тёпленькими брать. Сам говорит, что у себя в Казани он по двести человек за день подписывал.

– В Казани-то, может, столько народу и обработаешь, но никак не у нас в каком-нибудь райцентре.

– И я так подумал. Человек десять я за день оприходуя, двадцать – край. То есть больше шести сотен за день не получу, а командировка туда на четыре дня, потом три дня отдыха и даже если я по двадцать человек в день получится, то в месяц это и десяти косых не будет. Ладно, плюс оклад, но всё равно не густо! Конечно, через два месяца, когда всё оформят...

– Погоди, а ты разве учился на менеджера-то?

– В том и дело, что нет. Три года назад симками торговал, вот в трудовой и запись – «менеджер по продажам». Я это в резюме указал, вот, видать, меня и нашли.

– Но диплома у тебя нет?

– Вот именно, что нет. Я и работу-то не менеджером искал, не продавца даже, – Сергей отхлебнул чая. – Но и не в этом ещё дело. Я с тем дядей солидным раскланялся, сказал, что подумаю над его предложением сегодня-завтра, а сам, не выходя из офисного центра, в интернет. Сразу выяснил, что в Казани о такой фирме никто никогда не слышал, а потом узнал, что в Москве за один такой же заключённый договор платят тыщу триста. Причём сразу, а не через два месяца.

– Теперь понятно, зачем этот «татарин» набирают себе именно таких «специалистов» – чтобы ни один у него больше двух месяцев не отработал. Это если по районам мотаться за пятнадцать косарей, то через неделю убежишь от такой работы, – чашка Иваныча стояла нетронутой и неразмешанный сахар на дне превратился во что-то слипшееся и безнадёжное.

– Понятно, что в эту контору я больше ни ногой. Зато кое-что я понял.

– Что же?

– Что хотел бы в Москве поработать! – Сергей торжествующе отхлебнул из своей чашки.

– Будто ты в Кирове не зарабатываешь!

– Заработаю, но когда? Через три года? Через пять? Через десять? И вот этот вариант с вахтой в Москву мне очень понравился, в смысле 60/60. То есть ты два месяца работаешь, а потом два месяца свободен. И при деньгах, которые тут за такую же работу не получишь. И целых два свободных месяца! Хочешь – пей, хочешь – не пей, но, главное, можешь делать свои дела спокойно и без истерики.

В зрачках Иваныча вспыхнули какие-то огоньки, будто горящие газовые вышки на фоне непроглядно-чёрного заполярного неба, но тут же потухли:

– Говоришь ты резонно, да, но лучше пока поостынь на эту тему и меня послушай. Я ведь чего к тебе пришёл?

Иваныч задумался, словно врач, прикидывающий, стоит ли сообщать пациенту страшный диагноз:

– Если только между нами, хорошо? – он посмотрел в глаза Сергею одновременно как бы испытывая, но при этом умоляя. Что-то для себя поняв, продолжил бодрым тоном: – Вот оно иногда так бывает, что можно и подзаработать, и своему другу помочь – одним выстрелом двух зайцев! Ты ведь, наверное, слышал, что я хочу свой участок продать? Весь этот сад, который отец получил при Брежневe – со всеми яблонями, который покойник сажал, а я, ещё школьником, помогал. Со всей иргой, крыжовником, йоштой... С колодцем, который целое лето в восемьдесят четвертом копали... Можно, я закурю?

– Да, вот пепельница.

Иваныч глубоко затянулся, выпустил пару дымных колечек, долетевших до самой печки. Потом сделал уже обычную затяжку, выпустил дым через нос, стряхнул пепел щелчком ногтя большого пальца о фильтр:

– Тут какое дело. Столичный холдинг землю у садоводов скупает и житья всё равно не будет – купят не подобра, так поздорову, а потом всё тракторами укатают. Им ведь без разницы: яблони тут, колодец, качель – им лишь бы только землю, сотки... Вот я и решил максимально свой дом застраховать.

– Ну, это правильно. А то наймут упыря за бутылку, чтобы петуха пустил...

– Нет, ты дослушай. Мне и нужно, чтобы дом сгорел и чтоб сгорел к едрени матери! Чтобы в пепел! И в этом помочь мне можешь только ты...

При этих словах зрачки глаз Сергея сначала устремились куда-то вверх, к лампочке, потом поворотили вправо, затем влево и наконец уставились строго перед собой, глаза в глаза собеседника:

– погоди, Иваныч, ведь это преступление... – но тот призывно и с нетерпением смотрел на Сергея так, будто не сомневался, что тот согласится. – Да и рука у меня не поднимется – сколько там всего и моими руками переделано...

– Ну, зачем так-то... И меня ты очень обяжешь, поможешь даже.

Сергей отвёл глаза, озадаченной ухмылкой поднял правый край рта, а потом неуверенно посмотрел на Иваныча:

– Блин, дядя Андрей, может, ты сам, а?

– Да я бы сам давно сжёг, но не могу – всё же память... Понимаешь, когда в восемьдесят втором Италия во главе с Росси и Дзоффом растоптала в финале мундиала ФРГ, мои сверстники поголовно хотели быть похожими на Дасаева и Блохина, я был похож на форменную чурку, когда отец вместо сарайчика капитальную дачу построил. В основном-то, конечно, работал отец с мужиками, а я гвозди гнутые прямил, рубероид резал, рейки пилил и на рудник за водой бегал, но почти всё лето за этим пролетело! Загорел – просто страсть! В школе хвастался, что в Алуште отдыхал, но потом запутался и сказал, что курорт был в Гаграх... В классе всё равно узнали, что я всё лето у ручья с ведром толочся... Эх, детство!

Иваныч с какой-то ненавистью затушил окурок в пепельнице.

– Зато в восемьдесят четвёртом я уже полноправно с батей на пару работал, когда копали колодец. Один копает, а другой в телеге отвозит. Видел, может, бугорок слева от ворот в садоводство? Так это от нашей глиняной горы осталось. Конечно, за то лето я подкачался неплохо, но космического Платини во Франции на Евро я пропустил. И когда мои однокашники на мопедах всю с девчонками катались, у меня на ладонях мозоли роговели. В школе потом до октября не мог приноровиться ручку держать – не рука была, а лапища! Тем летом нормальные пацаны зарабатывали гонореею, а я заработал кифоз. Тьфу ты... А через год я полез на крышу ставить новый колпак на печную трубу. Упал и сломал ногу и потому вместо Рязанского гвардейского училища я поступил на фрезеровщика. Эх, столько всего впереди могло быть...

Иваныч достал из мятой пачки новую сигарету, помял пальцами, с грустью посмотрел на неё и положил обратно в пачку.

– Зато без экзаменов приняли! И, в принципе, на Сельмаше в те времена было спокойнее, чем под Кандагаром, так что, наверное, оно и к лучшему. Хотя я мира и не повидал, но зато цел и почти здоров.

И с дачей-то как жалко... Ведь год назад всё зашил, окна вставил по последнему слову техники – думал, что тут старость встречу, под этими самыми яблонями. И именно тогда пошли слухи о том, что у нас тут будут строить какие-то теплицы, мать их, а, значит, спокойной старости у меня здесь всё равно не будет, – он зачерпнул ложку яблочного варенья, положил её в рот и проглотил с видом разведчика, глотающего секретную шифровку.

– Да и алиби мне надо, понимаешь? Чтоб у страховщиков вопросов лишних не было. К тому же, тебе деньги сейчас тоже не повредят. Заранее даже дать могу, хоть сейчас сразу всё.

Судорожным, дёрганым и нервным движением Иваныч полез в карман брюк:

– Ничего, ничего, – он достал шесть купюр и положил их на край стола, под пепельницу. – Я как представляю, что бульдозером мой дом снесут – даже сердце прихватывает. Безумно больно, если это чужие люди сделают. А ты ведь свой.

Сергей посмотрел на Иваныча, потом на деньги, о чём-то подумал и посмотрел Иванычу прямо в глаза:

– Ну, если так, то я согласен.

– Спасибо тебе. Нет, правда, огромное спасибо, ведь ... А, ладно! Главное, что и ты теперь лишнюю неделю-другую спокойно работу поищешь и я уверен буду, что всё будет сделано так, как надо.

– Хорошо. Я помогу.

Иваныч просиял:

– Буду тебе очень благодарен, если всё это сторит к лешему. Историю липовую для ментов и страховщиков я уже состряпал. Буду заявлять, что воры похитили бензопилу и велосипед – пилу я месяц назад Толянну продал, а велосипед у меня ещё в мае украли. Но документы имеются! А подожгли, видимо, для того, чтоб скрыть следы. Или вообще свалю на холдинг – может быть, тогда и менты поспокойнее будут, и страховщики землю рыть не станут. В общем, мы с тобой договорились?

– Конечно.

– Спасибо тебе, – Андрей Иванович пронзительно, с навернувшейся слезой посмотрел в глаза Сергею, крепко пожал руку и вышел. Его чай так и остался нетронутым.

Хороша наша осень, осень средней полосы России! Как хорош, как чист воздух сосновых лесов, где в ясную погоду ранним утром луч солнца приобретает какую-то пронизательную ясность и кристальную яркость – такой вы не увидите ни в мае, ни в августе. Этой пронзительной святостью природа трогательно прощается со своими наблюдателями, прохожими лесных троп, чтобы тем было не так горько ждать её пробуждения в апреле. Поэтому, чтобы чрезмерно не растрогаться, нужно скорее отодвинуть доску в заборе и пробраться на участок Иваныча.

Пригнувшись, Сергей боком протиснулся в образовавшийся заборный проём. Ну вот – впереди застрахованная по всем правилам дача, выделяющаяся на фоне соседских домиков: обшита основательной вагонкой, а не дешёвым сайдингом; окна пластиковые, поворотные-откидные со стеклопакетом, а не обшарпанные перестроечные рамы, на водочные талоны выменянные, левой ногой через плечо деланные. Сад тоже добротный и, хотя за последний год успел порядком зарастить, деревья обрезаны грамотно, крона правильная – видно, что всё было поставлено серьёзно, если не на века, то на десятилетия. Не стыдно внукам передать.

В пристрое к дому, который Иваныч звал сеньями, несмотря на то, что размером они были чуть не с два гаража, было две секции, «комнаты» разделённые прихожим коридором – одна под инструмент, топоры, вилы, бензопилы и велосипеды всякие(которые вроде и есть, но при этом их нет), а другая – под дровяник.

Сам Сергей ещё недавно радовался, когда забил под завязку свой дровяник! Ведь это не только рай перфекциониста, когда все кубические метры пространства крепко накрепко забиты свеженаколотыми и душистыми тюльками. Полный дровяник – это гарантия того, что зимой будет тепло. Пусть хоть с ноября до апреля «минус тридцать» стоит – не замёрзнешь. По крайней мере, ты сделал всё от себя зависящее, а поэтому полный дровяник – это чувство выполненного долга, это гордость за себя, любование своей силой, ведь каждое полено ты сам расколот, своими руками и своим топором. Поэтому единственное, что говорило о том, что этот основательный и надёжный дом никому больше не нужен, – пустое пространство дровяника, в углу которого сиротливо валялись пара тюлек. В сам дом заходить не хотелось, чтобы не видеть белых стен, пустых стульев и стола без скатерти. Не хотелось быть ещё более причастным к предательству. Нет, не предательство это, а эвтаназия. А Сергей, получается, врач. И убийца.

На полке в сеньях он нашёл канистру с бензином, бутылку моторного масла и банку солидола. Бензин разлил аккуратно вдоль стен, сверху вылил масло, а банку солидола просто бросил на пол и осколки разлетелись по углам. Хотел было зажечь охотничью спичку и бросить в угол,

верно, на кого-нибудь расходы спишут – всё равно к тому времени с Иванычем надо будет расплатиться, а тот на него зла не держит.

Теперь надо сделать так, чтобы никаких улик, кроме показаний учительницы не было, да и вдруг её опрашивать не станут вовсе? Надо вспомнить. Других свидетелей быть не должно. Отпечатков он оставить не мог – в перчатках всё делал, которые до сих пор на руках. Придётся от обуви избавиться – вдруг следы оставил? А если с собакой искать будут, то по запаху бензиновому легко найдут – значит, надо след сбить, тем более совсем рядом вторая ветка железной дороги, где как раз цистерны не то с газом, не то с мазутом стоят. Туда и надо бежать и пройти там с километр – после такого манёвра ни одна сука ничего не пронюхает.

Уже пройдя чарующим коридором из смыкающихся высоко над головой полувековых берёз, когда родную деревню почти было уже видно, Сергей услышал вой сирены, который почти сразу прекратился, но таким железом по стеклу прошёлся по всему нутру... Всё упало из того, что только могло упасть. Значит, уже ищут, и ищут рядом. Если уже не нашли. Остаётся только побег. Вот как раз на вахту и сбегу – иди меня ищи в столице! Ох, и попал же я...

– Всех этих грёбанных диспетчеров я бы поувольнял к чёртовой матери! Или лучше так – раз сами такие вызовы принимают, то пусть сами и ездят на них! – молодой, но уже лысеющий врач сидел на пассажирском сидении машины скорой помощи. Одной рукой он держал дымящуюся сигарету, а другой эмоционально жестикулировал, как Ленин на броневике.

– Да ну, что ты, Олегыч, не кипятись – она же по телефону не видит, с кем говорит, – водитель вальяжно крутил руль, объезжая неровности и ухабы грунтовой дороги, идущей вдоль электроподстанции от деревни к городу. – Ей ведь если говорят, мол, лежит, стонет, за сердце держится, встать не может – она и передаёт вызов нам, реанимационной кардибригаде.

– А спросить не судьба, не пил ли этот «сердечник» месяц без просыху?

– Ну, так ей же об этом не сказали. Да и на месте диспетчера я бы тоже это... того! Потому и перестраховываются.

– Вот если с пожарными или полицией так перестрашуешься, то тебе потом мало не покажется! Ты видал, чтоб на какого-нибудь обормота, который в подъезде насрал, наряд СОБРа вызывали? Вот и я не видел, а вдруг он террорист и на самом деле бомбу заложил? Перестраховаться же надо! А алкаша похмельного, которому надо дать рассолу, а потом по морде, должна спецбригада реанимационная пользоваться? Причём ещё ладно бы рядом с нашей подстанцией было, а то в это захолустье ехать, где каждый второй – алкаш, а каждый третий – зек... В жопу! – врач зло выбросил окурок в окно.

– А как же клятва Гиппократата? – саркастично усмехнулся водитель, но тут машина подскочила на кочке и сама собою включилась сирена.

– Слышь ты, демагог! Ты мне тут софистику не разводи, а лучше выключи эту шарманку, иначе тут реально вся округа с приступами сердечными сляжет!

– Да я пытаюсь! Заело что-то..., – водитель свирепел прямо на глазах, пытаясь выключить сирену, но та не поддавалась и вопила почём зря – Побрал бы чёрт этих синеботов с их дорогами! Чем пить-то без просыху, так лучше бы ямы завалили!

– Чем? Бутылками? – съехидничал доктор.

– Да хоть бы и бутылками! В курсе, что в Верхнекамском районе пожарные только туда ездят, где дороги хорошие, а где плохие – не ездят? Так и нам надо! – сирена наконец выключилась, и машина скорой свернула с ухабистой грунтовой дороги на разбитую асфальтовую, которая вела в город.

Двери электрички закрылись. Приятный, но холодный женский голос объявил: «Осторожно, двери закрываются! Следующая станция – Киров». Поезд тронулся.

– Здравствуй, Леночка! Как дела?

– Привет, Нин. Да ничего, жива-здоровая, слава богу. Вот из сада еду, последние помидоры собрала – пусть дома краснеют, в цвет входят. За Юрку только своего беспокоюсь – он в этом году никуда не поступил. Теперь боюсь, что в армию загребут...

– Ну, сейчас служить только год – условия лучше и контроль за этим строже, – Нина, женщина лет пятидесяти, хотела добавить что-то ещё, но, словно пожевав с закрытым ртом свои мысли, решила сдержаться их при себе. – Нет, твоего Юрку, конечно, жалко, он ведь парень умный, толковый – чего он в педагогический не поступал?

– Да как вожжа под хвост попала – говорит, если учиться, то у лучших! И отправил документы только в МГИМО, МГУ и СПбГУ – отовсюду отказ. Да и слава богу! Вот где бы мы с отцом денег взяли, чтобы он в Питере или Москве жил? Так что, может, оно и к лучшему – глядишь, дурь из него в армии повыбьют, гонор сойдёт. Тем более служившим какие-то льготы положены.

– Это ты верно говоришь, в столичные институты теперь провинциалам сложно поступить. Слышала, что они с ЕГЭ делают? Тут вопрос подняли, что, если экзамен у нас единый, так пусть он будет одинаковым для всех.

– Это как?

– А так, что разные регионы решают разные варианты. Вот, к примеру, математика та же, задание из геометрии: если у нас в области дети находили площадь круга, то московские ребята искали площадь квадрата.

– Но это же нечестно! Квадрата площадь любой сосчитает, а круга формулу я не помню. Ведь два Пи умножить на радиус?

– Это не площадь у тебя получится, а длина окружности. Площадь чтобы найти, надо Пи умножить на радиус в квадрате, – Нина посмотрела на подругу, поджала губы и кивнула головой. – Вот и выходит, что ты, учитель физики, экзамен не сдала или получила балл ниже, чем столичный школьник. А чего? Ему задали найти площадь простой фигуры и тебе задали площадь простой фигуры.

– Да, нехорошо выходит, несправедливо... Ой, я ведь какого страху натерпелась! До сих пор дрожу. Сейчас с сада иду, мимо забора где, знаешь? И тут передо мной прямо из кустов выскакивает парень молодой – лет двадцать максимум. Кавказец какой-то или азиат – я в полумраке не разобрала, чёрненький такой. Глаза выпучены, весь бешеный – меня увидел, заорал и в лес убежал, дороги не разбирая. Я уж к платформе-то в обход пошла, чтоб через деревню – там хоть в окнах свет горит, люди живые есть. Вот что он там в кустах делать мог? Может, больной?

– Нет, не больной это, а наркоман. Или продавец-закладчик. Сейчас ведь знаешь, они не из рук в руки продают, а в подъездах, во дворах прячут, а потом покупателю только координаты сообщают – тот идёт и забирает. Но в городе свидетелей много, там их милиция гоняет, а здесь, на окраине, им и вольготно. Так что спугнула ты его и хорошо, что всё обошлось. Ты одна бы не ходила тут вечерами, а то мало ли – если эти у вас там повадились, то добра не жди.

– Ой... Конечно, я теперь без мужа в сад одна не поеду... А парень-то симпатичный такой, только испуганный. И наркоман... Нет, лучше бы в армии служил. Пропадёт ведь ни за грош.

– Жалко их, конечно. И чего они вот все тут забыли? У них ведь там тепло, там фрукты, там море, а тут у нас что?

– Ну, не скажи. Вот я сегодня шла – такой воздух вкусный – хоть ножом режь и в банку на зиму оставляй! Когда вот вся эта прелея листва, свежесть от речки, запах дыма... Словно

последняя улыбка природы – грустная, но очень красивая. У меня даже голова кругом идёт!
И зачем им все эти наркотики, когда благодать такая кругом?

Приятный, но холодный женский голос из динамика: «Киров. Конечная остановка».

– Ладно, пока. Вот меня Миша на перроне ждёт – побегу.

– Пока! А я посижу, подожду пока все выйдут – оно хоть и последней, зато не толкаться.

Глава II

18.09.201...года. Киров.

Сергей свернул с железной дороги не направо, в сторону деревни, а налево, на запасную боковую ветку и по ней, мимо разграбленных и разрушенных кооперативных гаражей, вышел на примыкающую к заводу промзону. Завод когда-то имел всесоюзное значение: под прикрытием сельскохозяйственного машиностроения он выпускал изделия предназначенные для самых решительных и окончательных битв, но не всегда за урожай. Теперь этот завод выпускал шпингалеты, плохие дверные замки и фрезерные станки. Говорили, что в последние годы заработали линии, брошенные ещё до Перестройки, и там снова наладили выпуск разных специальных изделий крайне узкого спектра применения, но широкого воздействия. Но говорят, что в Москве кур доят.

Сам завод начался тут тогда, когда страна, любившая отмечать свой сельскохозяйственный праздник в октябре, озадачилась приобретением новых и обширных угодий. Его неустанная работа в три смены изрядно поспособствовала тому, чтоб переломить хребет неуёмному аграрию, когда тот успел подмять под себя чернозёмы и уже двинулся к чёрному золоту: подсечно-огневое земледелие принесло ему заслуженные горькие плоды.

Пройдя мимо завода, Сергей сел на скамейке конечной остановки, отдышался. Достал телефон из кармана, вышел из режима полёта и набрал номер друга:

- Гендос, здорова! Слушай, можно у тебя переночевать сегодня, а?
- Да чо ты, Серёг, какой вопрос? Ты один будешь?
- Да, один.
- Тогда, конечно, приходи. А что случилось?
- Да долго рассказывать, ерундовина одна тут вышла... Лучше при встрече, ок?
- Ну ладно, при встрече – так при встрече. Только я сейчас не у себя живу, у матери.
- Блин, а если я приду, то это удобно будет?
- Да, конечно, не парься. Она даже рада будет тебя повидать.
- Ну, раз так, то жди. Скоро буду.

Синий троллейбус, который идёт на Восток, вкрадчиво, но безапелляционно отворил двери и повёз своего пассажира долгих девять остановок через мост мимо парков, парковок и панельных многоэтажек. На пятой остановке была школа, где Сергей с Геней вместе учились. Вот за этими гаражами они с Геней сражались на палках, а спустя пару лет вместо контрольной по алгебре курили сигареты из мягкой пачки и слушали один на двоих плеер, который пел про куклу колдуна и о том, как мужики ели мясо.

Казалось, что тогда весь мир смотрел на них с ласковой осенней улыбкой и обещал порадовать ещё многими и многими солнечными днями, если у него получится и хватит пышно увядающих сил. Не хватило: листья опали, лужи замёрзли, а своего закадычного друга Сергей последний раз видел почти год назад и то как-то мельком на чьём-то дне рождения. Нет, списывались и созванивались они регулярно, но встреч Сергей избегал, потому что после смерти отца Гена видеться было, как железом по стеклу – воспоминания о похоронах до сих пор перед глазами стояли. Было очень страшно, что лицо друга станет таким же, каким было в тот день... Поэтому вот уже год встреч и не было.

Троллейбус снова безапелляционно отворил двери у бывшего кинотеатра «Восток» и Сергей пошёл к знакомому, но хорошо забытому дому, из которого Гена съехал лет восемь назад, чтобы снимать малосемейку и всё собираться, но так и не отважиться на ипотеку. Теперь он снова вернулся под крыло матушки.

Открытая дверь с домофоном, второй этаж без лифта. Всё тот же звонок с чирикающей птичкой, всё та же дверь, всё та же ручка... Говорят, организм человека полностью обновляется за семь лет, то есть за это время в нём не остаётся ни одной прежней клетки – ни в его костях, ни в глазах, ни в мозге. То есть человек уже не тот, каким был – он становится копией себя самого, приобретая новые или теряя свои старые качества и свойства. Вещи же остаются неизменными, точно такими, какими были в самом своём начале и поэтому лучше людей помнят прошлое. В сущности, вещи людям для того и нужны – чтобы быть рукотворным и осязаемым свидетельством того, что это прошлое действительно с ними было. Вот и Сергей сразу вспомнил шкаф, коврик, полку для обуви и весенний пейзаж маслом на стене. Как будто ничего и не изменилось. Это чувство прошло приятной немотой по сердцу и понравилось Сергею. Только радужный Гена казался каким-то потускневшим.

Из кухни радиоприёмник сообщил бравым мужским голосом: «Мы долго готовились к увеличению пенсионного возраста и подошли к этому только сейчас, в том числе потому, что созданы условия для продолжительности жизни в рамках программы 80+»

Сергей, насладившись чувством того, что время над ним не властно, наобум брякнул:

– Блин, давненько я у тебя здесь не был. Лет, наверное, десять?

– Может, даже больше... Кажется, тем летом, после выпускного, когда помогал нам обоим из магазина тащить.

– Точно! Это же, значит, сколько же... Тринадцать лет, что ли? Кажется, будто вчера было, – Сергей нежно провёл ладонью по стене, как будто гладил большое и доброе животное. Наверное, Вещий Олег также прощался с любимым конём. – Обоим-то те самые?

– Да, это они. Обветшали, но всё ещё ничего. Держатся.

Сергей пристально взгляделся в рисунок на стыке:

– Помню, тётя Лариса их тогда чуть не полдня выбирала, хотя там и десятка образцов не было. Ведь чуть не в лупу на них глядела, примеряясь. Скрупулёзно к делу подошла.

Радио продолжало вкрадчивым, но уверенным голосом: «... тем, кому предстояло выходить на пенсию по старому законодательству в ближайшие два года, установить особую льготу – право оформить пенсию на шесть месяцев ранее нового пенсионного возраста. Для примера, человек, который по новому пенсионному возрасту должен будет уходить на пенсию в январе следующего года, сможет сделать это уже в июле года текущего!»

– Ты ещё не видел, как мы с ней их тогда клеили – ведь целая история была! Чуть не с логарифмической линейкой каждый кусок, с радианами, с поправкой на ветер и геомагнитное поле. Она перед этим мероприятием кучу всякой литературы о ремонте проштудировала, чтобы досконально процесс понимать – я себя всё то время, что шла работа, чувствовал, как будто в лаборатории секретного института: всё по граммам, и не то, что минутам или секундам, а по терциям! Потому и ни одного стыка не увидишь – всё по орнаменту, крапинка в крапинку и ни одного подтёка. И за тринадцать лет нигде ничего не отклеилось, ни одного пузыря не образовалось. Вот только что обветшало, но это уж время. Ничего с этим не поделать.

Радио заговорило женским голосом: «Человек, который дольше сохраняет профессиональные стереотипы и дольше находится в строю, он, как правило, по своему биологическому возрасту моложе тех, кто рано оставляет профессиональную деятельность»

– Пошли кофе пить, чего тут в коридоре стоять?

Когда они вошли на кухню, Гена первым делом выключил приёмник. Потом включил чайник и, пока тот закипал, насыпал кофе и сахар в чашки. На улице было уже темно и оранжевый свет фонарей делал улицу загадочной, таинственной и манящей. Томный запах прелой листвы будоражил в душе сладостную меланхолию, а свежий ветер своею прохладой будто звал на поиски приключений: покорять ли горные вершины; бороздить просторы океанов; изобретать панацею от горя и невзгод; бороться за чье-то чужое счастье, а в итоге обрести своё...

Стряхнув приятный молочный морок, Сергей звучно отхлебнул из чашки хороший, но не такой душистый, как тринадцать лет назад, кофе:

– Кстати, где тётя Лариса? Я думал, что она, как белый человек, до пяти работает, а сейчас уже девять с копейками.

– Так она не там уже работает, в другом месте. После десяти придёт.

– А почему она с молочного комбината уволилась? Ведь начальницей немаленькой была, отделом маркетинга руководила, да? -молчание Гены Сергей принял за признание своей правоты. – Да и на работу ходить, считай, через дорогу. Или, погоди-ка... Ей ведь на пенсию вроде ещё рано?

– Ну, как тебе сказать... Ты разве не в курсе, что молочный комбинат объединился с агрофирмой?

– В курсе. Когда агрофирму пару лет назад москвичи купили, то лихо развернулись – реклама там, магазины фирменные на каждом углу. Под себя, слышал, много частных под-

мяли, которые оказались в сфере интересов. Слухи ходят, что главный в агрофирме с губернатором на короткой ноге. Но к Ларисе Евгеньевне это какое отношение имеет? Если фирма стала в два раза больше, то и отдел маркетинга должен стать в два раза больше, разве нет?

– Ну, во-первых, не в два, а в полтора. У агрофирмы свой отдел был, у комбината свой и у каждого свой руководитель. Теперь отдел один и двух руководителей ему не надо.

– Вот оно как... Я даже и не подумал. Но ведь она у тебя специалист большой – и по президентской программе училась, и на симпозиумы какие-то ездила?

Глаза Геннадия широко раскрылись, а раздувшиеся ноздри, казалось, втянули в себя весь воздух в округе:

– Да в девяностые без неё бы весь этот комбинат грёбанный на металллом разобрали, чтобы в нулевые на руинах парковку с торговым центром построить! Я же знаю, что это она завод на себе вытащила. Из принципа вытащила, чтобы своё не пропадало, чтоб родное и настоящее было, а не федеральная стерильная и выхолощенная химия, которая даже не киснет. Чтобы наше село не погибло, чтобы фермеры в менеджеры и охранники не подались! – Гена ударил ребром раскрытой ладони по столешнице.

Сергей внимательно и нарочито медленно, чтоб немного охладить пыл друга, оглядел немудрящую кухню:

– И удержала на плаву эту баржу дырявую, а потом на голом энтузиазме вывела её во флагманы... А про агрофирму стало что-то слышно только тогда, когда туда деньги пришли столичные. С деньгами-то и дурак может.

– Дурак-то может, но если бы только в деньгах было дело. Этот последний год – просто какой-то крошечный ад: круг за кругом и дальше всё хуже. Со смерти отца началось. Мать через неделю после похорон стала его вещи разбирать и нашла какие-то древние любовные письма. Будто бес в неё тогда вселился: бегала, рвала их, кричала, а потом у неё что-то сердцем случилось – на диван упала и встать не может: тяжело дышит, за грудь держится и почему-то кашляет. Я скорую вызвал, но она в больницу ехать отказалась. Тогда врач ей валидола какого-то дал и велел в поликлинику сходить. Она потом всю ночь плакала. И ведь главное: письма всё старые, советские – я по обрывкам понял, что это отцу писали, когда он в армии служил. За каким чёртом он их хранил вообще? Потом мама пошла на диспансеризацию и крепко поругалась с терапевтом, к которому лет десять до этого ходила. Даже жалобу на него в министерство написала и в другую поликлинику определилась.

– Что ж ей врач такого сделал? Конечно, она у тебя женщина серьёзная и строгая даже, но чтоб в министерство...

– Ей предварительно поставленный диагноз не понравился. Само подозрение... Сам не знаю, она мне не сказала. Говорила потом, что если ему самому делать нечего, то пусть и ходит по невропатологам, а у неё и свои заботы есть. Но дело даже не в этом. Дело в том, что об этом как-то начальница отдела маркетинга агрофирмы прознала, а у неё племянник в полиции служит. В общем, спустя пару недель к нам приходит пьянущая соседка и давай к матери лезть, внаглую требовать денег, как будто бы та ей должна. Мать, естественно, её взащей вытолкала, но тут по лестнице поднимается полицейский. Алкашка давай кричать, мол, убивают, долг не возвращают и отправилась побои снимать. Мент тот с мамой поговорил, успокоил, мол, понятно, кто ж ту пьяницу не знает, а потому нечего и внимания обращать. Через неделю к матери на работу приходит повестка в суд по делу о побоях...

– То есть повестку не домой принесли, а на работу?

– В том и дело, что на работу. Чтобы точно прознали и чтоб матери дополнительный стресс. Мама спокойно собралась, даже мне не позвонила – думала, формальность на полчаса. Но там ей как предъявили, что на алкоголицу ту она набросилась, когда та просто по лестнице поднималась. Потом из прежней поликлиники какую-то мутную справку прислали, и поэтому выписали ей постановление на принудительное психиатрическое обследование и

прямо из зала суда её под конвоем отвезли в натуральный дурдом. Телефон у неё отобрали, поэтому мы только на следующий день узнали, где она и что с ней, а пока по инстанциям ходили с жалобами и ходатайствами, то срок её обследования и прошёл.

– То есть вот так вот запросто упрятали здорового человека в психушку без права на переписку?

Гена криво и очень грустно усмехнулся:

– С их точки зрения выходило, что не упрятали, а госпитализировали на обследование. То есть посещать обследуемую можно, передавать посылки тоже – их не досматривали даже. Её там электрическим током не били, в простыню не заворачивали, галоперидолом не накачивали – просто тесты разные, обследования, анализы, пустырьник и не более того. Потом и телефон вернули... Как жаль, что похороны отца все средства вытянули и на нормального адвоката денег не было. Решили с родственниками сами обойтись и вот – обошлись, блин. Знал бы я сразу, так кредит бы взял... Главное, обследование её абсолютно нормальной признало, алкашка от претензий отказалась, а дело закрыли за отсутствием события преступления, но после такого стало ясно, кого из главных маркетологов сократят. На мать потом смотреть нельзя было – призраком, тенью самой себя стала. Я, кстати, потом узнал, что та змея подмосковная и после психушки боялась, что её попросят подвинуться, поэтому ещё подстраховалась: опеку над внучкой оформила. Прикинь, она заставила родную дочь отказаться от прав на ребёнка в свою пользу, чтобы стать опекуном несовершеннолетнего, а такую уже по закону сокращать нельзя. Охренеть, да?

– Слушай, но неужели Ларисе Евгеньевне во всём огромном холдинге другой работы не нашли?

– Нет, ну конечно же работу ей предложили. Предложили так, чтоб она отказалась – в этом же отделе работать под началом подколодной калоши. Мать, само собой, этой вакансией не соблазнилась. После она два месяца на пособии просидела и пошла работать старшим продавцом в бутик обувной. Сапоги там, туфли, ботинки, средства ухода. Там у неё вышел конфликт с покупательницей... Ты тот ролик в новостях не видел?

Сергей отрицательно помотал головой.

– Ну, не много потерял. Конечно, мама не права была, потому что прав-то всегда клиент, но та же её явно спровоцировала, чтобы хайпа словить и канал свой убогий раскрутить. И хотя под видео большинство комментариев было в поддержку мамы, мол, ещё не так этих малолеток надо, но после этого мама полгода не работала. Тогда я к ней и переехал, боязно за неё стало. Очень она изменилась, ведь то, что раньше можно было назвать просто горячим темпераментом в форменную истеричность переросло. Но иногда такие сантименты на неё находят, что только держись – даже когда я совсем маленький был, то такой заботы и внимания не припомню... Но всё равно она дома сидеть не хочет – пошла работать кухонной рабочей в кафешку: овощи чистить и посуду мыть. Говорит, что когда люди вокруг, то ей проще и что она так скорее в себя придёт. Кстати, она уже минут пятнадцать как должна бы домой прийти.

В дверь раздался звонок. За ней стоял запыхавшийся и как будто не при себе мужчина средних лет. Под руку он держал трясущуюся и глупо улыбающуюся в пустоту Ларису Евгеньевну:

– Здравствуйте, дядя Витя... Что случилось?

Гена взял мать за руку. Она посмотрела на него и бессмысленно отвела взгляд.

Дядя Витя порывисто и с опаской оглядел незнакомого ему Серёжу с ног до головы и повернулся обратно к Гене:

– Ты, это... Вот – принимай. Я, главное-то, сижу на кухне и слышу – на площадке кто-то плачет. Выхожу, а там Лара сидит. Я ей, мол, что случилось-то, обидел что-ль кто, а она меня будто не узнаёт и спрашивает, почему её квартира не восемь, а шестнадцать? Я говорю, потому

что подъезд не твой, а мой, но она будто и не слышит. Короче, вот, – он за плечи подтолкнул Ларису Евгеньевну к сыну.

Гена трепетно обнял мать, которая всё также дрожала:

– Спасибо, что помогли ей.

– Да я что, тут бы каждый... Если что, то я ведь всегда рад... Может, скорую вызвать?

– Нет, большое вам спасибо, дядя Витя!

Дверь поскорее закрыли и усадили Ларису Евгеньевну на диван. Разглядев Серёжу, она, как показалось, очень обрадовалась ему и с потерянным виноватым взглядом убедительно прошептала:

– Ты не думай, я только рыбки поем, посплю – оно всё и пройдет. Это ерунда всё.

Сергей шепнул Гене на ухо:

– Надо бы того, первого терапевта навестить...

– Чего-то типа этого я и боялся...

Ларису Евгеньевну напоили пустырником и уложили спать. Было видно, что именно сейчас Гене не до своего друга, он даже будто и забыл о его присутствии. Поэтому Сергей очень удивился спустя пару минут, когда Гена, словно сбросив с себя груз тяжких идей и дум, расправил затёкшие под гнётом скорби мысли, непринуждённо улыбнулся:

– Ладно, а что у тебя-то стряслось? Тебе-то почему дома не спится?

– Да как тебе сказать... – Сергей вкратце пересказал Гене историю с садом Иваныча. За время пересказа вновь включенное радио дважды передало сигнал точного времени.

– Слушай, мне кажется, что это всё не случайно...

– Да тут не в том дело, случайно или нет, а в том, что я неслабо подставился и теперь мне ноги надо на вахту уносить – чтоб подальше и чтобы подольше.

– Думаешь, поможет?

– Есть другие предложения? Если Елена Юрьевна даст показания, то мне крышка. Тем более, что они и так уже с сиреной по деревне катаются.

– Так и видела она тебя не у него на участке с канистрой, а под забором. В случае чего, иди в отказ и стой на том, что просто пьяный там валялся, а от её шагов очнулся. Очнулся, вспомнил, как в восьмом классе она тебе как раз именно такое подзаборное будущее пророчила, и поэтому ты от неё бегом и убежал.

– Слушай, вообще-то ты прав. Наверное, оно так и есть, но я всё равно боюсь. Вот если какой-то след остался, отпечаток или улика, а меня в оборот возьмут? С другой стороны, работы у меня всё равно нету, а так я двух зайцев убью – и денег заработаю, и от ментов отгребу.

– Ну, может быть... Только я тебе чем помочь могу?

– Блин, теперь я даже и не знаю, у тебя своя беда такая...

– Беда-то беда, но я к этому готов был давно. Сейчас ведь всё равно ничего не сделаешь – скорую вызывать бесполезно, поэтому пусть пока отоспится, а через пару дней я с ней к неврологу пойду. Развеяться мне надо, Серый! Переключиться на что-то. Хотя бы и на тебя.

– Тогда надо мои вещи и документы из дома забрать. И с котом что-то решить...

– Пф... Хорошо, что ты не какой-нибудь Хаттаб, чтобы вокруг дома ФСБ в кустах.

– Скажешь, блин, тоже! Короче, зайди ко мне домой, возьми документы – они в сумочке небольшой лежат, типа барсетки. Брезентовая такая. Шмоток возьми, которые поздней осенью пригодиться могут – там спортивная сумка лежит. И – во! Ты в сумку сначала документы положи, а сверху одежду. Если вдруг, мало ли кто тебя спросит, чего ты ко мне ходил, то скажи, что свою рабочую одежду забираешь. Да, и зарядку для телефона с наушниками не забудь.

– Завтра тогда съезжу. Но что с котом делать? Может, я его к себе заберу, пока ты в бегах вахтуешь?

– Он и тебя тут с ума сведёт..., – Сергей осёкся, но Гена сделал вид, что ничего не заметил.

– Сам кот с ума сойдёт и сдикнется – нашёлся Сергей – он же у меня вольный, деревенский: домой через форточку ходит тогда, когда ему вздумается, сам по себе гуляет. Может, у тебя получится раз в неделю ездить и корма ему сыпать – у него кормушка специальная, дней на пять хватать должно минимум. Тем более, что он у меня охотник. Перебьётся.

– Тогда без проблем.

Когда Лариса Евгеньевна уснула, Сергей достал из кармана объявление о вахте, повертел его в руках и, собравшись с духом, набрал номер.

Бодрый женский голос в трубке радостно приветствовал Сергея:

– Здравствуйте! Вы позвонили в аутсорсинговую компанию «Работа всем». Если вы хотите решить вопрос трудоустройства, нажмите «1». Если вас интересует поиск персонала, нажмите «2». Если вас...

Сергей нажал «1» и голос стал вкрадчивым и участливым:

– Вы хотите решить вопрос трудоустройства. Ожидайте оператора на линии... четыре минуты, – закончил уже какой-то совсем другой голос.

В продолжении этого времени Сергей слушал неопределённую музыку в трубке и рассматривал так удачно и добротнo подогнаны друг к дружке обои.

Наконец, на той стороне провода отозвались:

– Меня зовут Виктория, компания «Работа всем», здравствуйте!

– Здравствуйте! Звоню вам по объявлению, по поводу вахтовой работы...

– Что бы вы хотели узнать и как я могу к вам обращаться?

– Меня зовут Сергей Чулымов, я хотел бы узнать, о какой конкретно работе идёт речь, а то в объявлении всё как-то расплывчато.

– Тут дело вот в чём. У нас обширная база работодателей Москвы и Московской области, которая ежедневно пополняется новыми вакансиями и ежедневно к нам едут со всей страны специалисты, которые эти вакансии занимают. Тот есть та вакансия, которая актуальна в данный момент, может быть занята уже через несколько минут. Зачем я буду Вас обнадёживать или расстраивать, ведь ещё через пару минут появится новая и наверняка лучшая вакансия, правильно? Поэтому Вы уже на месте, в офисе с тьютором всё решите.

– С тьютором?

– Да, с вашим персональным наставником. К тому же предложение работодателей всегда превышает спрос, так что в любом случае Вам будет из чего выбрать. В вашем распоряжении будут как вакансии без специальной подготовки, а именно разные грузчики, упаковщики, разнорабочие, дворники и так далее, как и из должностей квалифицированных: повара, кровельщики, монтажники и прочее. Компания предоставляет комфортабельное жильё, обеспечивает питанием, помогает и способствует оформлению необходимых документов, если такие понадобятся.

– А сколько платите?

– Оплата труда, как и вакансии, соответственно тоже разная, но не менее, чем шестьдесят тысяч за два месяца, которые вы получите по окончании вахты. Но это минимум, на практике редко кто работает меньше, чем за сорок тысяч в месяц. Также выплачиваются еженедельные авансы и различные бонусы.

– А график работы какой?

– В зависимости от объекта, но вы всегда можете подстроить его под себя, ведь мы охотно идём навстречу. Хотите – работайте пять на два, хотите – два на два, а можете и вообще без выходных.

– Хорошо, а где вы находитесь?

– Станция метро Новослободская, Вторая Миусская улица, дом 12, корпус б, цокольный этаж. Работаем каждый будний день с восьми утра до шести вечера. Я вам сейчас отправлю сообщение с адресом и контактами. На собеседование лучше приходите в первой половине дня, тогда уже к вечеру мы сможем определить Вас на объект. Сергей, я ответила на все ваши вопросы?

– Значит, минимум шестьдесят тысяч за два месяца, проживанием и питанием обеспечивают? Я всё верно понял?

– Да, всё в точности так.

– Большое вам спасибо! Думаю, что уже послезавтра буду у вас.

– Тогда отлично! До встречи, Сергей!

Ещё до полудня Гена вернулся из деревни:

– Короче, вот тебе твоё барахло. Никаких ментов не было, а была скорая, к одному алкашу вызывали. Засады нет, я с соседями поговорил.

– Фак! Ты что, с ума сошёл?

– Да меня тётя Тамара захватила – полчаса по ушам ездила про коз своих, про собак, про капусту и про соседа-бандита. Я ей, мол, вот ведь случись чего, так к вам сюда ни милиция, ни скорая не проедет. Она мне говорит, скорая-то ещё ничего, ругаются, но ездят, а вот ментов ждать нечего. Звонишь им: «Убивают!», а они отвечают, что раз ещё не убили, то и нам делать у вас нечего. В том году по у соседа хулиганы окна выставили, так участковый к ним только на третий день приехал. А не жарко было, начало апреля: они, бедные, с окном разбитым три дня сидели, и потом ещё день ждали обещанных криминалистов.

– Но ведь она со мной рядом живёт, через забор. Может, они сирену потом включили?

– Может быть и так. Чего им тоже – не Япончика ловят. Поди сирену-то скорая включала?

– Это к алконавту-то на вызов? Удивительно, что вообще приехали.

Сергей принялся рыться в сумке:

– Ага, всё, кажется, на месте. Паспорт, полис, пенсионное... Военник тоже тут. Нормально! Я тогда сейчас на вокзал, там поезда и дождусь.

– А чего это так рыбой пахнет?

– Лариса Евгеньевна очень просила рыбки – я ей мойвы пожарил с луком. Опять спит.

– Ну и хорошо, значит. Блин, может, тебе так с этой Москвой не пороть горячку – переждал бы у меня ещё пару дней, а там бы я ещё в деревню съездил, разузнал бы что к чему.

– Понимаешь, я Елены Юрьевны боюсь и нерасторопности наших ментов. Видела она меня и не могла не узнать, а когда её опросят – чёрт его знает. Может, вообще через неделю. Сам же говоришь, что те с выбитым окном ментов три дня ждали. И ведь они, наверное, участкового тербили, а Иванычу оно не больно-то упало – заявление написал и баста. Не хочу сидеть на измене месяц и каждого шороха бояться. Да и денег заработать хочу, приятное с полезным совместить.

– Ну, как знаешь. Чур чего тогда – до связи!

Глава III

19.09.201... года. Дорохово, Московская область.

Где-то вдалеке залаяла собака. Открыв глаза, Максим увидел серый потолок, освещённый тусклым, еле пробивающимся сквозь шторы хмурым сентябрьским рассветом. Потолок был подвесным и когда-то, наверное, белоснежным, но бывшие до него вахтовики, не заморачиваясь выходить на улицу или хоть в коридор, курили прямо тут и потому потолок стал серым. Достав из-под подушки телефон, Максим недовольно почесал в затылке – до будильника оставалось ещё восемь минут.

Он всю ночь пролежал с закрытыми глазами, но так и не смог уснуть: досада о том, что от отведённого на сон времени осталось только восемь минут, упала в душу, как булыжник в гладь тихого омута, покойно подёрнутого ряской. Но всплеск с брызгами перешёл в круги на воде, которые, разойдясь в стороны, докатились до берега уже не замеченными. В конце концов, ему не истребителем управлять – роллы он уж как-нибудь скрутит и с недосыпа.

Поднявшись и потянувшись, Максим заправил кровать, провёл по покрывалу ладонью и, убедившись в её почти идеальной геометрической ровности, обречённо вздохнул, опустился на пол и отжался на кулаках ровно тридцать четыре раза. Ещё неделю назад отжиматься надо было только тридцать три раза, и эта перемена не слишком радовала.

Отдёрнув шторы, Максим обрадовался неожиданно яркой картине за окном – свет, казавшийся тусклым из-за плотной шторы, ослепительно освещал облачившиеся золотом деревья, а лазурное небо с белоснежными барашками облаков наполнило душу какой-то сладкой истомой. Теперь, несмотря на ощущение пришибленности, было намного приятнее смотреть в грядущее. Немного тревожил появившийся посреди ночи неизвестно откуда сладкий вкус во рту: чтобы избавиться от него, пришлось выпить три стакана воды. Максим успокоил себя тем, что ему это приснилось.

У другой стенки в комнате Максима стояла ещё одна кровать – там должен был спать его напарник, но тот почему-то не приехал и вторую неделю Максим работал в одну каску. Хорошо, что заказов было не так много и было время делать заготовки, следить за ротацией, поддерживать нормальную работу кухни. Плохо, что руководство могло принять решение вовсе не приглашать второго повара, видя, что Максим справляется и так, но при этом поднимать зарплату едва ли сочтут нужным. Эти мысли о беспомощной бесправности раздражали, он гнал их прочь, но всё чаще какой-то голос из дальнего уголка сознания призывал к беспощадному и бессмысленному бунту. Бессмысленному, потому что уйти с вахты и не закончить работы он не мог даже на день раньше срока, ведь тогда по договору работодатель с полным правом не выплатит ему ни копейки. Беспощадному же потому, что тогда одну вахту пришлось бы менять на другую: вернуться в Киров с пустыми карманами он тоже не мог. Ему надо было обеспечить себя хотя бы на месяц, чтобы иметь возможность ходить по инстанциям. Максим хотел восстановиться в органах. В тех самых Органах.

В силовые структуры он очень хотел вернуться, его туда манили две вещи. В первую очередь это была пенсия, до которой оставалось дослужить всего пять лет. Если бы он закончил службу, то до конца дней о хлебе насущном не пришлось бы заботиться. Во вторую очередь, Максим был человек честолюбивый и ему хотелось быть причастным к чему-то большому и важному. Хотелось ощущать то пьянящее чувство полноценности, верить в то, что он у руля, что он хотя бы немножко, но князь мира сего. Зловещий флёр от должности капитана службы исполнения наказаний был ему очень по душе. Хотелось быть, ярким, как пуговица с гербом на кителе, а не серым, как колпак повара-вахтовика. Максим по своей сути был пассивным пассионарием.

Вернуться обратно в систему ему мешало то, что шесть лет назад его уволили из УФСИН с уголовным штрафом, условным сроком и без права занимать должность в течение трёх лет. Тем, кто спрашивал о причинах, он обычно рассказывал об убийстве по неосторожности при выполнении спецоперации. Так же мог рассказать, что нанёс педофилу телесные повреждения средней тяжести, а тот оказался со связями. Когда был в настроении, говорил, что его свои же подставили и пришили коррупцию, превышение служебных полномочий: не на чем было печатать рапорты и он купил две пачки «Снегурочки», чеки выкинул, а система-то палочно-галочная. Поди докажи, что не взятка от жулика? Управление само страдает – хочешь или нет, а паршивых овец в рядах выявлять нужно, даже если их нет. Вот он с этой бумагой и подставился.

Сам же он давно запутался и настоящие причины смешались с мифом. Но он был справедливо убеждён, что раз людей он не расстреливал, не растлевал и миллионов не растрачивал, то шансы вернуться в ряды есть, а спешил он потому, что после тридцати пяти лет его бы не приняли банально по возрасту.

Из окна комнаты Максима была видна железная дорога и дачный посёлок за ней. Где-то далеко шумело большое шоссе. Пора идти на работу.

Пошёл двенадцатый день вахты Максима и свою небольшую кухню он готовил к открытию автоматически, зная где, что и зачем лежит. Думая о чём-то своём, он включил в электрошитке группу кухонных розеток. Этим он пробудил к жизни бесконтактный гриль-саламандру, заставил тэны фритюрницы устроить круговорот холодного и горячего масла внутри своей чаши. Зашумела включившаяся индукционная плита и бесшумно стала нагревать вчерашний рис рисоварка со смешным названием «Cuckoo».

– Кукушка, кукушка, сколько мне тут осталось? – , Макс грустно улыбнулся и слил в раковину конденсат, скопившийся в сборнике рисоварки. Достал из морозилки филе лосося и положил на стол отходить до времени. Достал пакет с замороженными креветками, пересчитал – на сегодня должно хватить, новый полуфабрикат нужно делать только завтра. Мидий тоже с избытком, а вот грибов шиитаке катастрофический дефицит – надо будет поскорее нарезать те, что со вчерашнего вечера замачиваются в кастрюле.

Но первым делом надо поставить вариться новый рис, поэтому Максим поскорее заправил вторую рисоварку и пошёл поздороваться с Ольгой, которая только что открыла главные двери кафе. Должность Ольги гордо называлась «администратор», но на самом деле она совмещала в себе функции официантки, кассира и уборщицы, а администрирование шло как-то само собой. Себя она называла буфетчицей.

– Здравствуй! Как жаль, что ты вчера рано ушёл и меня дожидаться не стал. Тут такое было!

– Я ведь вроде по времени ушёл, – Максим поднял глаза на висящие на стене часы с большим белым циферблатом и толстыми чёрными стрелками. – А разве что-то случилось? Не было ведь посетителей, вторник тухлый.

Ольге было немного за сорок, но она старательно молодилась и держалась так, будто только вчера был тот знойный июньский вечер, когда она выпустилась из колледжа по специальности «киномеханик». Со дня выпуска Ольги прошло всего несколько лет, и этой специальности на рынке труда не стало. Не стало ещё и мужа, зато уже была любимая дочка и с тех пор дочку воспитывала не мама, а бабушка. Деньги на воспитание Ольга зарабатывала, катаясь по стране то проводницей, то официанткой, то кухонной работницей, то горничной и при этом не унывала.

– Из-за этих стрелок здоровенных тут постоянно плюс-минус две минуты, не разобрать. Ты без трёх минут ушёл.

– Ну так и что? Заказы всё равно до без пятнадцати принимаем.

– Случилось, блин. Три минуты двенадцатого уже было, а я ещё дверь не закрыла, заезвась. И тут вваливается компания – два пьяных вдрызг мужика и две бабы. Один мужик с фонарём под глазом. Шли откуда-то – не то с дня рождения, не то с поминок.

– Ну так и послала бы их лесом. Закрыты ведь – чего ещё надо?

– Я им с ходу говорю, мол, извините, но кина не будет – простынь спёрли, заходите завтра. Бабы и один алкаш сразу развернулись, хотя и на ногах еле держались, но последний, который с фингалом, начал пальцы гнуть, что раз дверь открыта, то и заведение считается рабочим и поэтому его обязаны обслужить. Я уж решила не связываться, понадеялась, что он обойдется кофе или чаем, предложила ему латте с халвой, но он, только прибавляя громкость, заявил, что желает пиццу. Я говорю, что повар ушёл домой, а печь для пиццы выключили полчаса назад. Он оглянулся на своих друзей, в наличии публики убедился и давай орать голимым матом, что его не колышет, кто там ушёл, а кто нет. И чтобы я метнулась резко и приготовила.

Максим быстро оглядел Ольгу и интерьер кафе – кажется, всё в том же состоянии, как было и вчера, без видимых повреждений. Поняв, что история закончится благополучно, всё же высказал, что вертелось на языке:

– Жалко, что меня не было, я б ему и второй глаз подправил. Но всё ведь обошлось? Ты наряд вызвала?

– Я сразу на тревожную кнопку нажала, а бухарику объясняю, что я ведь не повар, я не умею пиццу – я только кофе и чай. В него тогда будто демон вселился, даже его друзья испугались. Он попробовал запрыгнуть на барную стойку, но не смог. Ухнул, как филин, уперся в неё руками, как горилла, и давай верещать, что я еще не знаю кто он такой, а он моего начальника кореш, вместе с ним в школу ходил и завтра они меня оба тут нахлобучат по очереди.

– А ничего, что тут хозяйка – женщина?

– Так вот я до этого момента ещё опасалась, думала, мало ли кто такой? Вдруг действительно местный воротила? А оказалось, сопля поселковая, – Ольга снисходительно махнула рукой. – Так вот, мечется он тут, беснуется, рожа уже сизая – кажется, готов разорвать на куски.

– Но стойку не обходит, хотя пожалуйста – даже декоративного ограждения нет. Клоун! – Максим осёкся. – Мне это сейчас рассуждать удобно. Тебя-то он не напугал?

– А чего мне бояться? Оно же понятно, что перед друзьями и бабами рисуется.

Но ты бы видел, какая с ним перемена сделалась, когда ГБР приехали – парни ладные, под два метра, с автоматами. Упырь этот сразу побледнел, заткнулся и вдоль стеночки к двери двинулся, но охранник его так вежливо к стенке прижал и спрашивает, мол, чего шумим? Тот выпрямился, но руку не стряхнул, и давай излагать, что они сюда зашли без десяти минут, хотели сделать заказ, но буфетчица их обматерила неадекватно и он пытался добиться от неё жалобной книги.

Знаешь, он так говорил уверенно, что если бы не мятая рубашка, волосы дыбом и потная рожа с фингалом, то мог бы сойти за телеведущего с главного канала – прямо и дикция, и пафос какой-то неизвестно откуда образовались. Я даже испугалась, что он сейчас убедит охрану в том, что он тут единственный д`Артаньян. Но охранник на часы посмотрел и говорит иронично, мол, это же вы целых двадцать пять минут жалобную книгу ждёте!?! Не притомились? Тот развел руками, мол, сам уже и не рад, что связался. ВОХРа его тогда нежно, как котёнка за шкирку, на улицу куда-то вывел, в темноту. Потом приехали менты, глянули на них – а там баба сидела с бутылкой шампанского. Меня старшина спрашивает: «они у вас вино купили?» Я говорю: «конечно же нет, мы вообще алкоголем не торгуем». Тогда он их всех задержал за распитие алкогольных напитков и в бобик погрузил. В общем, и смех, и грех.

– Хорошо, что всё обошлось.

– Но я до того удивилась той перемене... Знаешь, вот сколько в школе учили, что с людьми надо поступать так, как хочешь, чтоб с тобой поступили: что надо лаской, убеждением. А с некоторыми можно говорить, только если ты его на голову выше и у тебя автомат на плече. Это как если...

Но Ольга не успела закончить мысль – помещение наполнил звук наддверного звонка. В кафе вошёл гость и она поспешила навстречу, а Максим ушёл с раздачи обратно на кухню.

В кафе «Флэшбек», расположенном рядом с вокзалом станции Дорохово, вошёл высокий и представительный человек в рясе, с окладистой чёрной бородой: большая спортивной сумка была перекинута через плечо, а под мышкой этот человек держал деревянный ящик цвета морёного дуба, плотно сбитый гвоздиками с жёлтыми шляпками. Ящик был для жертвований и казался тяжёлым.

Он вошёл на первый этаж, усмехнулся, оглядев полиуретановую подделку под лепнину зала с претензией на греческий стиль, и пошёл на второй мансардный этаж. Тут ему понравилось больше, и он сел лицом к окну, прямо под балкой, обделанной чем-то вроде папье-маше. Сев у окна, погладил бороду и с прищуром осмотрел зал.

Подошла Ольга, отстранённо глядя куда-то в сторону, бесстрастно подала меню, но, увидев наперстный крест, с перепугу сделала книксен и перекрестилась. Батюшка сделал вид, что не заметил её смущения и, не открывая книгу, нарочито окая обратился к ней:

– Хорошо тут у вас, лофтово. Дочь моя, что подают сегодня в вашем заведении приличное мне по сану?

– У нас всё самого высокого качества и наипервейшей свежести. Ой... – она заметно покраснела и потупила глаза. – Тут дело в том, чего ваша душа желает. Вам бы я порекомендовала лапшу удон с говядиной или салат цезарь с...

– Ты смотри, сегодня постный день – усекновение главы Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, потому чтоб без мяса. Не желаю оскоромиться.

– Тогда вашему вниманию японское меню. Пожалуйста, вот суши, роллы. Есть горячие, есть запечённые, есть в темпуре. Есть большие роллы гранд – там одной порцией можно наесться, а кроме рыбы и риса ничего и нету.

– А с какой рыбицей сие большие роллы?

– Есть с лососем, есть с угрем, а есть с тунцом.

– А с тунцом которые, они не острые?

– Роллы «Бонито» скорее пряные. Там, конечно, есть зелёный лук и соус спайс, но это только для пикантности. Остроты нет.

– Ага, пикантность нам повредить не должна, в том греха нет... – с этими словами батюшка внимательно углубился в меню, долго что-то выбирал, причмокивал, и, наконец, сказал:

– Тогда ебаните мне бонито! И пшеничного нефильтрованного пива кружку.

– А вот пива-то у нас не держат... Мы вином уже месяц не торгуем, а винную карту убрать всё руки не доходят.

– И правильно! Нечего смущать паству – подай квасу!

Пока Ольга принимала заказ, Макс отнёс рыбную доску на мойку, а кухню заполнил дух сварившегося риса – такой приятный, тёплый и зовущий к какому-то прекрасному далёку, которое осталось в том уютном зимнем дне с розовыми от мороза щеками... В тот день бабушка сняла со школьной формы Максимки значок октябрёнка. Формы тоже скоро не стало. Отмахнувшись от морока прошлого, Макс выключил рисоварку, открыл крышку, чтобы выпустить пар, и закрыл обратно – чтобы дойти до готовности, рису надо постоять ещё минут пятнадцать.

Раздался писк и из кухонного принтера выехал чек:

«Ролл «Бонито гранд». Просят, чтобы сделал от души.»

Спустя минуту на раздаче появилась и сама Ольга:

– Ой, какой у нас первый гость сегодня необычный...

Макс, который в это время уже крутил на циновке большой рисовый рулет, словно её и не слышал:

– Вот ты говоришь, что пока к стенке не поставишь, то и говорить невозможно. Был у меня один такой же вот помощник, когда я в Лесном оперативником в колонии был. Типичная жертва мамы с папой, которые за него всё решили и отправили учиться на юриста, а ему бы в артисты, честное слово, или в психологи. Выучился парень, а таких вот птенцов без опыта, без связей и без службы в армии хоть пруд пруди. Помыкался, посувался – сперва консультантом поработал, втюхивая населению автомасла новейшего поколения за баснословные деньги, но населению эти масла были без надобности, так он и сидел на окладе без процентов. Поэтому подался подсобником на установку дверей – тут дело пошло лучше, но для широкой ноги всё равно мало.

Максим ещё раз прошёлся циновкой по граням ролла, которые теперь показались ему достаточно идеальными, и ролл благополучно отправился в лоток со стружкой тунца.

– Зато с этой работой молодому человеку пришло понимание не только мирка папы с мамой. Как-то очень органично научился входить не только в чужие квартиры, но и в доверие к людям. Потому что дверь установить – дело не минутное, а какой же хозяин оставит свою квартиру попечению мастеров из газеты? Тут без догляда никак, а пока следишь, то почему бы и не поговорить? И кто будет вызывать мастеров эконом-класса?

– Разве пенсионеры какие-нибудь.

– Правильно, в основном пенсионеры и другие малоимущие слои населения, которые, однако, за своё малое имущество всерьёз переживают. Иногда и сироты попадались, которым государство по достижении восемнадцати лет квартиру выдало. Но и те, и другие в юридическом деле тёмные, вот дипломированный юрист Костя и стал по ушам им ездить. Предлагал тем, у кого есть право на недвижимость, выгодные сделки – мол, давай, мы твою квартиру продадим, получим деньги и купим другую квартиру, которую срочно вдвое дешевле продают. Он им рассказывал душещипательную историю о том, как на крюке для люстры в просторной гостиной повесилась генеральская дочка: то ли в институт не приняли, то ли любимый бросил. Теперь безутешный отец скорее хочет квартиру эту роскошную с рук сбыть, чтоб ничего не напоминало, поэтому отдаёт чуть не даром. Но мы-то в ней жить не будем, говорил Костя доверчивым слушателям, мы сами её перепродадим, а новым хозяевам о генеральских обстоятельствах ничего не скажем. За какой-нибудь месяц сможешь миллион поднять! А мне десять процентов от сделки. Люди верили и добровольно оставались без квартир.

У сирот же, получивших квартиру у государства, право на приватизацию появляется только через пять лет, поэтому таких захочешь, а не разведёшь. Но и тут смекалка сработала. Он находил тех, которым до приватизации оставалось год-два и предлагал очень выгодную работу на Севере вахтой, а квартиру чего простаивать будет? – Давай её сдавать! Словом, втирался в доверие и под этим соусом заставлял подписывать много лишних документов, к знакомому нотариусу подопечных водил и доверенности на себя оформлял. Когда его взяли, то в отелльной папочке девять генеральных доверенностей на недвижимость нашли. Он как раз прокололся, когда пытался продать квартиру одного своего подопечного, а тот с вахты вернулся раньше времени. Хорошо, что успели до окончания сделки отозвать документы, а то бы пиши пропало.

Тут Максим вспомнил, что ролл уже несколько минут лежит в стружке, а Ольга как-то странно на него поглядывает, будто готовясь вот-вот сказать что-то непоправимое. Поэтому он быстрее достал ролл и принялся резать. Но говорить не прекратил:

– Так вот. Дали этому кексу два года общего режима. Понятно, что он сотрудничать со мной сразу же захотел, лишь бы я о деталях его статьи не рассказывал – на зоне много выпускников детдомов и того, кто сирот обижал, могут понять не в полной мере и под шконку загнать по тихой грусти со всеми вытекающими. Поэтому он регулярно докладывал о пьянках, о наколках, о настроениях и намерениях других заключённых – старался, в общем, отрабатывать. И ему хорошо, и у меня с показателями всё в порядке... Ладно, потом доскажу, когда заказ отдашь.

Максим протянул Ольге нарезанный ролл, та поставила его на поднос, где уже стояла большая кружка кваса, и ушла к гостю.

Когда Ольга пришла к столику с заказом, батюшка сидел переодетый в спортивный костюм Adidas, поверх которого была наброшена флисовая жилетка. Спортивная сумка стояла под столом, дароносица – рядом, на полу.

– Досадно, что в сей трапезной нету образа, дабы было на что освятить чело крестным знаменем. Но времена сейчас лихоимные и бездуховные, потому выкручиваемся в меру своей смекалки.

Батюшка перекрестился на окно, выходящее на запад, отхлебнул кваса, взял двумя палочками лохматый ролл, обмакнул его в соевый соус и, резко и коротко выдохнув, отправил его в рот. Принялся вкусно и задумчиво жевать.

Ольга откланялась и ушла обратно к раздаче на первый этаж, где её уже ждал Максим, с ходу продолживший:

– И вот однажды прихожу я из отпуска, вызываю Костика к себе. Сажу его на табуретку, начинаю вопросы задавать и тут он достаёт из кармана телефон и небрежно так в руке крутит. Я интересуюсь у него пока корректно: «Ты берега-то не попутал, родной?». Он ногу на ногу закинул и, ухмыляясь так, с прищуром на меня сморит и, нарочито выговаривая гласные, мне говорит: «– Начальник, ты мне теперь никто! Я на Управление теперь работаю, они мне УДО обещали через полгода и телефон для связи с ними выдали!». В голове у меня сразу рой мыслей, выстроившихся в стройный ряд: если он действительно на Управление работает, то выдавать мошеннику в зоне телефон это последнее дело, ведь он с телефоном таких делов наделает, что только один Бог ведает, при этом после работы я хотел к теще заехать в сад, помочь яблоню подрезать и у меня в пакете лежит секатор для сучков. Решение пришло само собой. Расстегнул я верхнюю пуговицу рубашки, завернул рукава, взял секатор, встал и говорю: «Я, того рот наоборот, тебе сейчас этим секатором палец отрежу, а ты его в Управлении потом предьявишь. И жуликов, которые с тобой сидят, лично в курс поставлю кто ты есть. А сам рапорт напишу и пойду школу охранять».

Костя сразу в лице переменялся – побледнел, заикаться начал, телефон на стол положил, встал и, пятясь, из кабинета моего молнией вылетел. Мне потом в Управлении сказали, что это они специально меня проверяли и что экзамен я выдержал. А Костя продолжил с ещё большей прытью мне своих товарищей сливать.

Ольга внимательно слушала, следя за тем, как Максим эмоционально размахивает руками и надеясь, что гость со второго этажа не слышит его речей.

– А самое главное, что парень этот очень видный, высокий и статный – такому в кино играть какого-то казачьего атамана: Ермака или Матвея Платова. И голос красивый, такой глубокий баритон. Все природные данные, чтобы артистом быть, а не людей обманывать. Не мудрено, что такому сходу доверишься, ведь просто олицетворение всего самого хорошего. Жаль, что в Кирове нету театрального ВУЗа – может, на сцене он бы нашёл себя.

– Так может он ещё исправится. Не знаешь, что с ним после отсидки сделалось?

– Не знаю, но уверен, что с проторенной дорожки ему не свернуть и даже если выберется из этой колеи, то всё равно потом обратно свалится. Нормальной работы ему не найти, поэтому ему не будет давать покоя мысль, что чем год работать и заработать двести тысяч, лучше одного лоха обусть и за один раз два миллиона в карман положить. Это как бросить курить – неделю не куришь, месяц, год, но потом обязательно сорвёшься. Только за сигарету по этапу не повезут.

Когда Ольга пришла рассчитаться с батюшкой, тот укладывал разобранную дароносицу в сумку.

– Ох, и уважили вы меня! А как зовут того кашевара знатного, что готовил трапезу?

– Максимом его зовут, – Ольга немного стушеввалась, потому что испугалась, что батюшка может быть недоволен роллами, а она выдала коллегу.

– Низкий ему поклон! А он украинец, белорус?

– Нет, он наш, русский. Вятский парень.

– Вятский – значит, хватский! Я когда-то имел благодать провести там три года, которые наставили меня в моём пути и укрепили веру. Истинно говорю!

– А там какой-то мужской монастырь?

– Можно и так сказать. Там когда-то Эдуард Стрельцов свои страсти смирял.

Ольга, услышав известное имя, но не зная тонкостей биографии знаменитого футболиста, одобрительно сжала губы. Бородач же продолжал:

– Это мой духовный университет, ибо там я познал правду. Однако, дочь моя, а повар ваш племени русского? Не вотяк, не черемис?

– Не знаю даже... Я и о национальностях таких не слыхала. Но, нет, могу вас уверить, что он русский. Такой же, как и мы с вами.

– Да и верно – если бы на моей тарелке были козыпок или сокта, то я бы ещё подумал, а тут – суши, – батюшка довольно и утробно улыбнулся. – Суши дело тонкое и очень хорошо, что у вас русские готовят. Это прямо чувствуешь, энергетика у пищи другая. Славно готовите, очень славно. Сколько с меня причитается?

– С вас триста девяносто пять рублей.

Батюшка долго копался в кошельке, и наконец достал мятую бумажку в двести рублей, одну сотенную, одну пятидесятирублёвую. Сорок пять рублей он высыпал мелочью на скатерть. Собрав их со стола, Ольга поняла, что скатерть придётся стирать.

– Не будешь ли ласкова, дочь моя, подскажи страннику, как отсюда уехать до Петрищево?

– А вот вы как выйдете, так идите налево – там сразу за переездом будет остановка. Автобусы часто ходят, ждать не придётся.

– Благослови тебя Бог!

Сидя на стуле спиной к окну и положив одну руку на стоящую на колене сумку, батюшка теперь походил на Пугачёва из учебника истории, где донской казак брался судить и миловать по своей воле.

Ожидая, пока микроволновка разогреет обед, Максим глядел в окно вслед уходящей к автобусной остановке фигуре. С перекинутой через левое плечо спортивной сумкой и сигаретой в правой, субъект вразвалочку шёл к переезду. Что-то из далёкого прошлого померещилось, будто когда-то он уже видел такую походку.

– Блин, ну бандит из девяностых – ни дать, ни взять. Клоун! – Прозвенел звонок микроволновки и Максим достал пышущую паром глубокую тарелку. Обед был готов.

Когда с едой было покончено, Максим вышел на пожарную лестницу покурить. Что-то зашуршало в кустах на другой стороне дороги и Максим спустился по ступенькам вниз. Как только он ступил на тротуар, откуда-то из разросшихся кустов сирени выехал мужик с синяком под глазом верхом на собаке. Огромная кавказская овчарка тащила за собой пьяного и щуплого человека в чёрной форме с надписью на спине жёлтыми буквами «Охрана». Мужик держал собаку правой рукой за ошейник и почём зря лупил её кулаком левой. Косые удары вовсе не тревожили большое и сильное животное. Мужик, казалось, это понимал и только больше ярился, поэтому ещё меньше попадал в цель:

– У, кобелина ты сучья! Шкура дешёвая! Вот ты мне скажи, вот как так-то, а? Что там эта кобыла хотела? Ты почему не тьявал? Ты почему этой твари горло не перегрызла? А кочегар тот заднеприводный? Вот теперь что делать-то, а? Нет, ты мне скажешь, я добыюсь от тебя! Ты есть подчинённая мне единица!

Собака встала, флегматично посмотрела по сторонам, заметила Максима, остановилась и печально опустила глаза, будто извиняясь за поведение своего спутника. Охранник иначе понял намерение животного. Решив, что то наконец покорилась его воле, он отпустил ошейник и размахнулся что было духу, чтобы ударить собаку ногой, но промахнулся и грохнулся на землю, больно ударившись затылком об асфальт. Животное в этот момент подняло голову и пошло через дорогу в сторону Максима. Пошло спокойно и размеренно, а пьяный, который так и остался лежать на асфальте, вдруг заплакал:

– Ну как же так? Сука! Сука! Сука! Кобыла ночная! Я же на разряд сдал, я же аттестацию прошёл! Кобыла сучья! Парабола корявая! Сучья ночная кобыла!

И он снова заревел в голос. Собака подошла к следившему за всем этим Максиму, остановилась перед ним, подняла голову и внимательно на него посмотрела. Несмотря на всю телесную свирепость животного, никакого страха или тревоги не было. Максим опустился на одно колено, погладил голову собаки и почесал за ухом. Когда смотрел между ушами, то увидел, что рядом с хныкающим пьяницей ходит большая чёрная птица. Кажется, ворон. В этот миг собака шумно выдохнула, отстранила голову и пошла мимо него, куда-то в сторону железной дороги. Туда, где шумело шоссе.

Максим оглянулся на лежащего и всхлипывающего пьяницу и, хмыкнув, стал подниматься по лестнице. Спешил закончить с замоченными грибами шиитаке, пока не пошли заказы. Ворона уже не было.

19.09.201... года. Плацкартный вагон. Киров-Москва.

«Возможно, на тебя смотрит миллионер!». Это такая наклейка на зеркале в туалете плацкартного вагона. Наклейка пропагандирует железнодорожную лотерею, а в зеркале отражается печальное и уставшее лицо Сергея. Интересно, сколько людей соблазнилось и приняло участие в этом мероприятии? С одной стороны, от надписи веяло какой-то вахтёрской уверенностью и она очень гармонично вставала в один ряд с табличками, оспаривать правомерность которых бессмысленно: «Не курить!», «Не прислоняться!», «Ногами на унитаз не вставать!». И, если судить по шрифту и стилистике, повелительно-указующие таблички и рекламу розыгрыша делал один и тот же дизайнер. Причём делал пакетом, скопом, гуртом и за одну и ту же зарплату. Из-за этого казалось, что вероятность увидеть в зеркале миллионера была сопоставима с вероятностью испортить био-туалет или получить штраф за курение. Но, с другой стороны, чтобы не курить и ломать унитазы никаких усилий прилагать не нужно. Значит, не было смысла участвовать в лотерее, потому что смотрящим миллионером ты являешься также, как ты являешься тем, кому не стоит прислоняться к дверям и вставать на унитаз ногами.

Поэтому возможный миллионер смыл следы своего пребывания в пахнувшей хлоркой биотуалет, который оголтело всосал полученное с жутким хлопком и будто холостым контрольным выстрелил в пустоту. Потом миллионер вымыл руки непригодной для питья технической водой и почистил зубы. Ведь если пить нельзя, то полоскать же можно? Но реклама лотереи всё равно примеряла на смотрящего шкуру миллионера: как было бы здорово вырвать без боя у судьбы кусок, который тебе не принадлежит! Кусок, которого ты не заслужил, и который всё равно не пойдёт тебе впрок. Так что Сергей решил в лотерее не участвовать. Он вышел из туалета и, пройдя несколько метров вдоль торчащих в его сторону разнокалиберных пяток, сел за откидной столик, достал из рюкзака кружку, вынул из нагрудного кармана пакетик чая и пошёл в другую сторону вагона за кипятком снова мимо пяток, обмундированных в носки самых разных цветов и фасонов.

– ...что президент РЖД плацкартные вагоны назвал стриптизом коллективным, поэтому...

Набрав кипятка из титана, похожего на какую-то адский механизм, сочинённый сумрачным гением на погибель человекам, Сергей заварил чай. Вагон постоянно дрожал, шатался, кренился в разные стороны и сохранить равновесие стоило немалого труда.

– ...значит, пусть он в своих шубохранилищах этим и занимается, потому что иначе...

Сергей вернулся на своё место и сел лицом в направлении движения поезда. Хотя было уже темно, но движение за окном чего-то невнятного и таинственного в своей непрерывности казалось умиротворяющим, а изредка мелькающие огни семафоров казались чекпойнтами, золотыми воротами из компьютерных игр детства и это успокаивало – значит, ещё один шаг к цели сделан.

На следующем перед Сергеем нижнем боковом месте сидел одетый в тельняшку мужчина лет пятидесяти в очках и с бородой. Мужчина пил чай из стакана в подстаканнике и читал потрёпанную книгу, изданную в те времена, когда ещё не севшая на нефтегазовую иглу страна приходила в себя от первого полёта человека в космос. Материал переплёта этой книги был каким-то совершенно привычным, но при этом непонятным – это была не ткань, не кожа, а нечто среднее. Вроде вещь повсеместная и привычная, а как назвать и что это вообще такое и знать не знаешь. Оттого и неловко, потому что стыдно осознавать, что и привычных-то, обычных вещей не знаешь. На обложке было написано «Вещий», а вот следующее слово было закрыто ладонью читающего.

Соседями Сергея сбоку были двое: похожий на сильно обрусевшего итальянца худощавый и неприятно небритый мужчина лет сорока, а напротив его койки суетилась примерно тех же лет статная женщина в очках – неотразимо яркая блондинка с землистого цвета лицом в оспинах.

Расстелив на столике газету, женщина достала из сумки что-то завернутое в целлофан и напоминающее батон колбасного сыра. Она нарезала его под углом тонкими ломтиками и внутри, как начинка в рулете, оказалась колбаса с мелкими вкраплениями жира. Всё это время мужчина сидел с толстым сборником сканвордов на коленях, но ручки у него не было.

Совершив тот же, что и Сергей, отважный поход за кипятком, женщина насыпала в кружку кофе «три в одном» из пакетика, томно посмотрела вдаль:

– Вы не в курсе, скоро остановка? – спросила она у потрёпанного «итальянца».

– Если чтобы покурить выйти, то до Нижнего терпеть придётся, – плацкартный челентано деловито посмотрел на циферблат наручных часов, которые он достал из кармана треников. – Значит, ещё шесть часов ехать.

– Тогда нам остаётся только кофе пить, – женщина положила обе ладони на столик. – Давайте знакомиться, что ли, дорога ведь не близкая? Меня Марина зовут.

– А меня Леонид, – он поперхнулся. – Лёня то есть.

– Очень приятно, Лёня. Вот, угощайтесь, – Марина обворожительно улыбнулась.

Мужчина, заметно стусевавшись этой улыбкой, недоверчиво взял кусок, и разглядел внутри сыра колбасу:

– Ничего себе! Два в одном!

– Да, мы любим удивлять аудиторию, на которую нацелены, – при этих словах Лёня покраснел и положил ногу на ногу. Заметившая это Марина продолжала:

– Я в Москву еду, командировка от колбасного бутика «Шилкрафт». Буду выставлять и демонстрировать прелести и деликатесы нашей компании: салями из кабана с белыми грибами, сыровяленые чипсы из оленины, чоризо из медвежатины, бобриный брегенвурст, мортаделла из тетерева, брауншвейгская из лосятины и кабанятины, сырокопченая колбаса из гуся с коньяком в сыре а-ля грюйер... Вот она, как раз на столе. Ну, чтоб вы знали, что едите. Вкусно?

– Да просто объедение! – обалделый замухрыжка заёрзал на койке.

– Всё натуральное, настоящее. Своё то есть, вятское, – сложив руки на груди, блондинка посмотрела в окно, словно позировала для портрета. – У нас налажена работа с промыслови-

ками и в этом деле мы первые если не в России, то в нашем регионе точно. Правда, выхода на большие сети пока нет – у нас ведь рука руку моет, поэтому может быть в столице и получится найти свою нишу, выйти на рынок и заинтересовать бизнес-партнёров, а у себя дома... Но не будем о грустном. Вот вам, например, понравилось?

– Очень вкусно, говорю же. Думаю, такое вот многих заинтересует.

– Да вы больше берите, не стесняйтесь! Вороне бог послал не один кусок.

Губы мужчины скривились, будто он одновременно хотел плюнуть и выматериться, но не сделал ни того, ни другого:

– Ой, а вот о воронах не надо, ладно?

– Почему?

– Да Юлька, дочка моя, просто на этих воронах свихнулась – никакого спасу от неё нет. Читает про них с утра до ночи, прикинь, да? Пока её подруги по дискотекам, она какие-то мифы мусолит. Нормальные девки в кино ходят, по каткам разным, клубам, а ей ничего, кроме этой сволочи летучей, не надо. Она даже домашнего ворона заводила!

– Это ведь накладно, наверное? – с кажущимся очень искренним интересом спросила Марина.

– Ещё как накладно! На день рождения выпросила. Вот что нормальной девке надо? Правильно: телефон, платье, туфли, а этой... Главное, стоит-то он ни разу не мало! Две моих зарплаты! Я ей сразу сказал: «Тебе надо, поэтому ты за ним и ходи. И чтоб он по квартире не летал!». Так он месяц у неё в комнате просидел и изодрал все обои, все подушки изнахратил, все углы загадил, а она в нём души не чаёт! Даже когда он ей из ноутбука все кнопки повыдергал, она ему только пальчиком погрозила! И молча в мастерскую пошла. У меня не заикнулась даже на ремонт денег попросить. Но из терпения я вышел, когда он её в плечо клюнул, причём до крови аж! Она-то ничего, но я думаю, а если в другой раз он её в лоб или глаз? Изуродует ведь на всю жизнь и куда я... – он оборвался на полуслове. – В общем, пока она в школе была, я пришёл в её комнату, открыл окно и этого – метлой! Выгнал, окно закрыл, а потом стекло разбил, будто это птица сделала. Дочка три дня ревём редела!

– Ох, извини, что прерываю, но не мог бы помочь мне достать матрац с третьей полки, а то я до этой верхотуры не допрыгну сама.

Леонид торжественно встал посредине первой полки и вытянулся, насколько хватило сил, Марина как будто совершенно случайно потёрлась плечом об его бедро. Когда же она заправляла койку, то опять же совершенно случайно, но надолго задержала свой призывно обтянутый пёстрыми леггинсами тыл ровно напротив лица Лёни. Леггинсы были неприлично меньшего размера, чем им бы следовало быть. От всего этого Леонид вспотел, в растерянности потёр рукой татуировку на левом плече со щитом, мечом и буквами «ПВ». Потеряв было нить разговора, но не имея сил продолжать молчать, он вспомнил и продолжил:

– Теперь боюсь, что на Новый год ещё одного птеродактиля выпрашивать начнёт. И разговоров у неё только о воронах! Сказки детские читает – то про Крабата, то про Ворона Вороновича, а раз друзей у неё нет, то эти все свои мысли и идеи она мне излагает – и что Черномор у Пушкина это ворон, и про яблоки молодильные у ворона в саду, и про то, что Жар-Птица на самом деле ворон.

– Так она ведь на то и Жар, она яркой должна быть, чтоб светится!

– И я ей о чём! Он же чёрный, говорю! А потому и чёрный, говорит, что единственный до Солнца долетел и жар его вынести смог, но только почернел, закоптился.

– Ну, логика, конечно, есть...

– Да что там логика... Я теперь знаю, что во время войны сам Черчилль велел воронов в этом... как его у них? Башня-то ихняя?

– Биг Бен? – что-то вспыхнуло в глазах Марины. Лёня сглотнул:

– Не, Тауэр, во. В этом самом Тауэре Черчилль воронов и подкармливал – англичане очень суеверные были и верили, что если вороны с насиженных мест снимутся, то быть беде. И что у Одина, бога чухонского, два ворона было – первый за него мыслил, а другой за него всё помнил. И у половины греческих богов тоже всё вороны – у Афины, у Аполлона, что у этого... врач-то который древний?

– Эскулап? – Марина поёжилась плечами, будто ей вдруг стало холодно, но Лёня увлёкся рассказом и ничего не заметил.

– Не, Асклепий! Во имечко-то, да? А запомнил, потому что каждый день по десять раз! Да фиг с ними, с греками! Чукчи наши, не спились ещё которые, думают, что мир ворон создал. Не знаешь, у них там на этом севере вообще вороны есть?

– Там их если им только на выставках кто показывает, в зоопарках. А вообще север – это же очень грустно и холодно. Как там люди вообще живут? Мне и в нашем климате очень холодно и зябко... – Марина уже обхватила себя за плечи и вся сжалась, как живописная Алёнушка, которой для полного несчастья в жизни не хватает только козлёночка. – Я на медсестру училась когда-то – мечтала в Пицунду уехать, в ведомственный пансионат. Там и платили хорошо, и климат хороший... Но потом Союз развалился, а следом и Пицунды, считай, не стало. Поэтому я бросила училище и пошла в бухгалтера. Но по специальности не работала совсем, всё только числилась. По сути, была то секретаршей, то директором исполнительным в масштабах двух киосков и одного подпольного цеха, а то и козой отпущения, на которую в случае чего шишки повалятся. Слава богу, что не получилось ни разу из меня козу ту сделать – обычно всё как-то само собой или закрывалось, или хозяина съедали рыбы покрупнее.

Кажется, тут я тоже уже своё дорабатываю – кирдык конторе приходит, несмотря на эти все понты. Я Андрею Ивановичу, директору нашему, говорю, что лучше в Петербург ехать, ведь в Москве одни мусульмане да евреи, а продукция наша не кошерная и не халяль, но он уверен, что Питер – та же провинция, только с метро и музеями, а сила и деньги в Москве.

Марина грустно потупила глаза, вздохнула и, немного помолчав, продолжила:

– Но мне-то что? Лишь бы командировочные платили. А вообще поездка эта только манёвр перед тем, как компанию продать выгоднее – мол, участники Экспоцентра, все дела.

– Вот что в Москве одни жи... евреи и мусульмане, так это ты в самую точку! Без них и у меня не обошлось! Юлька сейчас индейскую мифологию читает. Ага! Я ей говорю, что ни хрена своей мифологии у этих индейцев нет, всё у других народов спёрли, а может быть и не спёрли, а просто кто-то эти «индейские» мифы за самих индейцев выдумал. Выдумал, а теперь печатает и девочкам молодым, которые ещё ничего не понимают, подсовывает. Ведь этих чингачгуков, считай, и не осталось совсем – кого поубивали, а кого по заповедникам разогнали. А заповедники эти по другую сторону океана и уж сильно вряд ли, что моя Светка когда-то там окажется и спросит у первого встречного могиканина про его ворона любимого. А потом сам давай кумекать и понял, что к чему. Не в индейцах тут вообще дело, ими одно что прикрываться удобно. Ни за что не поверишь!

– Неужели мусульмане? – ещё только что такая беззащитная Марина распрямила плечи и скрестила на груди руки.

– Почему же мусульмане? Еврейские это всё проделки, – Леонид обрадовался, что удивил Марину и торжествовал, как кочет на плетне. – Ты знаешь, что Христа меж двух разбойников распяли? Один его уважал, уверовал на кресте-то... Но не в первом дело, а во втором, который над Христом стебался. За эту глуму прилетел ворон и выклевал тому разбойнику глаз! Маленько непонятно, да? Тут штука в том, что был такой пророк Илия, тоже очень почитаемый... Илья пророк ведь и мой покровитель! Я ведь в ВДВ служил когда... Но об этом потом, – Леонид снисходительно прищурился куда-то в район сомкнутых колен Марины. – Короче, дело в том, что пророк Илия вороном оборачивался и Христа в пустыне кормил. Понимаешь? Он и был тем вороном, который разбойника уконтрапупил прямо с неба! И я подумал о воронах

вообще, без всей этой мифологии художественной. Тут и вспомнил, что нос у воронов огромный, и каркают они противно, и чёрные, и падальщики, и жадные очень, под себя гребут? – довольный собой Лёня откинулся на койке, скрестил руки на груди. – Понимаешь меня теперь? Вороны – евреи мира животных! Жиды с самого детства пытаются детям внушить, что вороны хорошие на самом-то деле! Что и мудрые, что и добрые, чтоб верили им. Хитро действуют, не напрямую, а на подсознание, исподтишка... Зато наверняка! Вот тебе и Каркуша с самых яслей по телевизору, а как подрастёт – тут и Карыч. Думаешь, стихотворение у поэта По про ворона знаменитое такое потому, что уж очень написано распрекрасно? Нет! Потому что евреям на руку пришлось – они его и раскрутили, чтобы такие вот дурёхи, как моя, читали и думали...

Леониду казалось, что он производит на Марину грандиозное впечатление, поэтому он вспомнил телевизионное выступление какого-то генерала конца девяностых:

– Нет, ну сучье племя, а? Я бы их в окно выкидывал, вот прямо в темноту эту – на щебенку и под колёса! Так что, чёрный ворон, я не твой! – Лёня призывно подмигнул. – А бабы-то их, еврейские, они ведь когда...

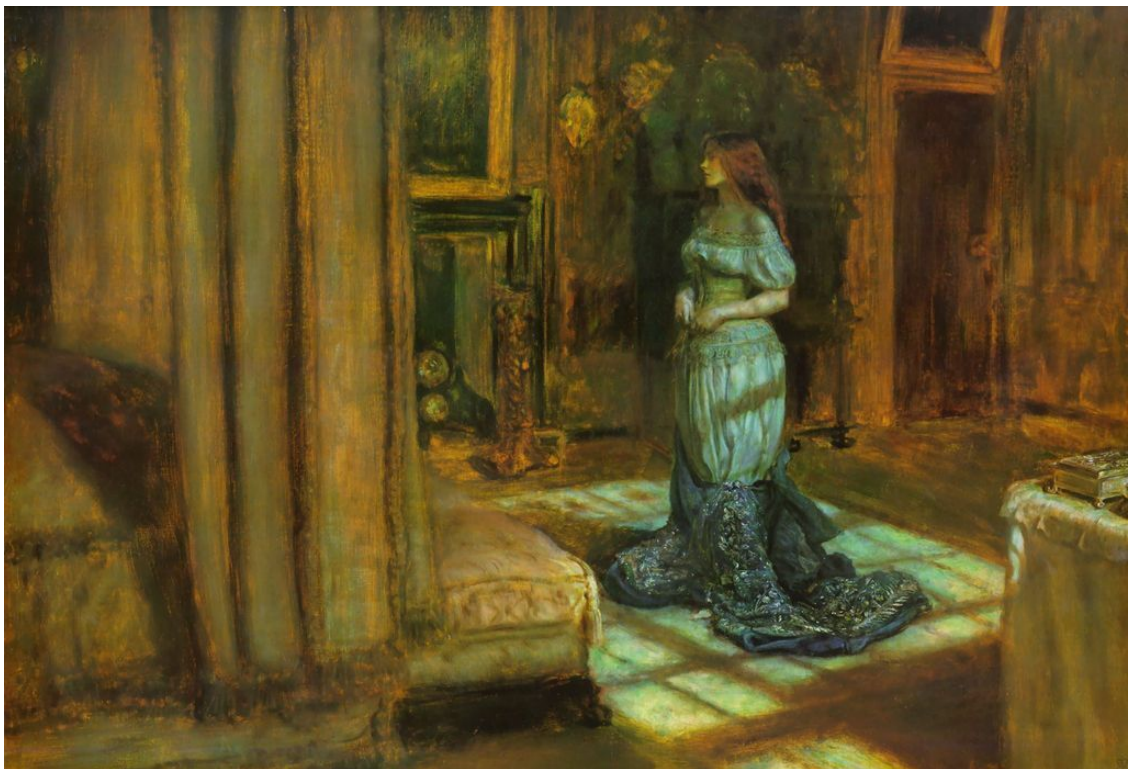
– Подожди, я сейчас схожу мочалку выжму, – сказала блондинка, встала и ушла в сторону туалета. Там она миллионершу увидит.

Сергей наконец уснул и проспал тревожным, беспокойным сном, пока его не разбудили пьяные вопли:

– Что ты мне руки крутишь, гад? Ты на кого наехал, э? Слышь, пёс?! Знаешь вообще кто я? Подрядчик, мля, в законе коронованный! Я нюх топтал! Погоны с тебя сниму!

Пока здоровенный полицейский выводил буяна из вагона, проводница объясняла что-то второму, который был немного меньше первого:

–... Да, это он в туалете покурил, зеркало разбил и ещё какой-то пакет в вакуумном унитазахе смыл. Теперь до Москвы никому туда не сходить... Конечно, я его предупреждала, но он же пьяный в стельку. Так что забирайте его, а потом он пусть как хочет, так от Нижнего и добирается.

Сергей вышел следом на перрон и молча смотрел, как упирающегося Лёню полицейские вели куда-то за здание вокзала. Дул холодный пронзительный ветер и полицейские были очень не рады ночной работе, поэтому Лёня несколько раз стукнулся о стену вокзала, которое в этом освещении казалось одинокой базальтовой скалой. «Вещий» в тельняшке стоял рядом и курил:

– Интересно, что он завтра сделает первым делом, когда очухается? Подумает, что напрасно не определился как зовут его дочку: Юлия или Света? Или пожалеет, что соврал про службу в ВДВ, когда на плече татуировка погранвойск?

Сергей удивлённо посмотрел на соседа, дремоту сняло, как рукой. Тот продолжал:

– Это же всё заметно даже слушателю, которому разговор вообще до лампочки, а если этот дуралей поверил, что им заинтересовались, то должен каждое своё слово взвешивать. Просто незачем было врать, вообще рот открывать не стоило – всё и так в руки идёт! Наверняка в его мечтах не только она угощала его колбасой, но и он от души потчевал её... Придурок так и не понял, что на нём испытывали силу женских чар перед столичным вояжем.

Сергей сплюнул в сторону:

– А сейчас он ментам будет впаривать о том, кто он такой есть. И ведь лепит, что он минимум какой-нибудь помощник депутата. А как в торец не прописать такому помощнику депутата из плацкарта?

– Это уж известно, сам бог велел. Так что и тут лучше бы молчал – отделался бы только пустыми карманами. Но вообще-то женщина эта разочарованная и менты раздражённые – ещё ладно. Свинство, но ладно. Если этот Лёня только окружающим врёт, а вот если он сам себе такую пургу метёт и в неё верит, тогда, считай, что всё: конченный он человек и несчастнее его на свете нет.

– И где он такой дичи про евреев набрался?

– Наверное, в армии или у телевизора – когда он молод был, там разные выступали. Нассали парню в уши в молодые годы, а он эту веру свято пронёс сквозь года, – бородач в тельняшке захлебнулся каким-то нутряным натужным кашлем. С облегчением сплюнув, отдышавшись, он как будто на излёте заговорил:

– Знаешь, врать другим – ещё куда ни шло, потому что рано или поздно эти другие поймут, что к чему, отвернутся и уйдут. Но уйдут уже наученные лапшу с ушей снимать, опыт полезный получают. А если врать себе, то ты останешься один на один с обманутым самим собой, а от себя не уйдёшь и придётся вопрос решать кардинально. Если самому себе лжёшь и свою же ложь принимаешь, то до того доходишь, что никакой правды не различаешь ни в себе, ни в других. Поэтому перестаёшь себя и других уважать, не ценишь никого, не любишь, а без любви сам не замечаешь, как до полного скотства доходишь. Никогда себе не ври. Не забывай об этом, пожалуйста.

«Вещий» докурил и пошёл обратно к вагону. Уже подойдя к подножке и взявшись за поручень, он сказал, резко обернувшись назад и глядя Сергею куда-то выше глаз, в район лба:

– А переплёт моей книги из ледерина сделан. Ну, так. Вдруг тебе интересно.

Глава IV

20.09.201... года. Москва.

Потолкавшись в очереди освобождавших плацкартный вагон пассажиров, Сергей оказался на платформе Ярославского вокзала. Сам не заметил, как это произошло – платформа была вровень с дверями поезда, не такой, как в Кирове, где нужно было, придерживая поручень, смело ринуться вниз. Тут было проще – нужно просто сделать шаг и перед тобой...

Москва! Как много это слово значит для каждого не-москвича, впервые прибывшего в столицу: в нём былинное великодушие, и державная благодать, и государственное величие, и раскинувшееся широкой, спокойной рекой тихое могущество. Здесь вся национальная широта души и горный полёт снисходительной непоколебимости – и всё это в одном, таком дорогом для сердца каждом слове. Первым слогом которого будто вбираешь в себя, пробуешь, и, ощутив всю терпкую медвяность вкуса, в благодарном восхищении открываешь рот: «Мос-ква».

В самом воздухе этого города ощущается какая-то обволакивающая душу свобода, душе-спасительная лёгкость и духотворная магия. Рюкзак за спиной кажется каким-то совершенно невесомым, будто и нету его вовсе. Есть только высокое голубое небо, а под ним добрая мощь широких проспектов, которые непрерывным и нескончаемым строгим потоком незыблемо верно движутся куда-то вдаль во имя всего самого хорошего. Спешащие же среди фонарей и светофоров осмысленно-беспорядочные пешеходы – это шумный камыш и беспокойная осока у подножья холмов торговых центров, особняков и церквей, которые сами лишь подлесок для храмов, башен и небоскрёбов, увидеть вершины которых можно только если навзничь закидывать голову. Сергей почувствовал себя неуютно, ему захотелось поскорее стать частью всего этого: хоть ряской малозначной над омутом, хоть раковым кустом над стремниной, а хоть бы и ивой по-над берегом крутым. Даже спящий под памятником Ленину бродяга, вид которого в Кирове порядком бы смутил и озадачил Сергея, тут казался вполне органичной болотной кочкой, которая живёт по писанным самой для себя законам, и никто ей не указ.

Спустившись в метро, в котором ему ещё никогда бывать не случалось, Сергей сначала ничего удивительного не заметил, потому что прагматично всё новое пытался заместить и сопоставить с тем, что он уже видел; с тем, что стало ему привычным и обыденным. Поэтому станция «Комсомольская» в глазах Сергея сперва предстала каким-то глубоким подземным переходом, по которому электрички ездят. Конечно, это очень удобно, но из-за чего ажиотаж такой, почему столько восторгов? Не будет же столько народу на ровном месте с ума сходить и восхищаться тем, что малейшего внимания не заслуживает. Подземные переходы кировчане своим достоянием не считали, громогласно не славили, а про метро Сергей сходу вспомнил целую уйму песен, которые играли на больших радиостанциях и клипы на эти песни показывали по самым центральным каналам.

Сергей встал и внимательно огляделся по сторонам... Именно здесь, по задумке архитекторов, Москва должна навсегда пленять собою людей, чтобы потом не верить их слезам. Глаза Сергея, как лучи прожектора, скользили по всем мозаикам, колоннам, лепнинам, барельефам, изразцам, скульптурам и колоннам. Взгляд старался зацепиться за одну диковинку и сконцентрироваться на ней, но где-то в уголке обязательно оказывался какой-то новый элемент, отвлекавший внимание, и стоило бросить первый и приглядеться ко второму, как тут же появлялся третий, а за ним ещё один... Сергея достаточно грубо толкнули, отчего он пришёл в себя и отошёл к одной из осмотренных им колонн и уже там, никем не тревожимый, в полной мере оценил окружающее его великолепие. Было, что оценить! Трубящие горнисты, словно архангелы, возвещали великую и радостную весть: "Ты в Москве, друг!". Иллюстрации слов вели-

кого и единого в одном лице отца и вождя нерушимого Союза были навеки впечатаны разноцветным битым стеклом в стены, достопамятно прославляя подвиги великого прошлого и самых его ярких героев, принёсших своим окружающим так много радости и счастья. Угрюмый, но справедливый Дмитрий Донской словно говорил: "Молодец, что приехал! Скоро с нами в один ряд встанешь! Вон туда, куда Кутузов показывает! "

Мраморные стены вокруг блестящие и светлые, над головой купола: просторно, светло и душно, как в музее или храме. Но этот храм – он храм наоборот: не над ландшафтом окружающим высится, а под спудом хоронится. Так надёжнее будет. К тому же храм или музей – это дело праздничное, торжественное, требующее к себе особого отношения, уважения и настроения. Каждый день шастать не будешь. А в метро – не цель, а средство, здесь всегда многие тысячи волей-неволей, но приобщатся к исконному и общему. Тому, что и влечёт людей в этот город.

Улыбнувшись этим мыслям, Сергей сел в поезд. С такой же улыбкой он пересел на кольцевой и с этой же улыбкой вышел на нужной станции. И поехал вверх на эскалаторе.

Но на поверхности Сергея настолько ошеломили окружившие его призрачная тишина и безмолвная пустота, что улыбка спала с лица и он скорее поспешил по адресу из своего потрёпанного блокнота. Безмолвный вакуум ошелолил, навалился и накрыл с головой, как февральский сугроб, как сноп затхлого сена или зеленеватая вода пруда, когда широко шагнул и к своему ужасу не нашёл ногою дна, зато вкус и запах тины ударил в пытавшийся вдохнуть нос. Почему вокруг никого нет? Нету ни детей, ни пенсионеров, ни празднующихся бездельников. Только на стеклянной остановке кто-то длиннополый сидел и чего-то ждал, а за остановкой дворник выметал окурки и с осуждением поглядывал на проезжающие автомобили. Стало неуютно, сумрачно и захотелось поскорее убежать от гнетущей пустоты.

Значит, корпус "б" двенадцатого дома по этой вот улице. Войдя в тень двора, Сергей почувствовал, как будто он попал в другой мир со законами, муссонами и приливами. Внутри квартала заметно какое-то копошение и атмосфера не та, которая была только что на главной улице у магистрали в восемь полос. Здесь, у дороги, на которой с трудом разъедутся две легковушки, всё какое-то совсем другое, независимое. Будто незаметно пересёк границу разных государств.

Здание, к которому Сергей держал путь в тысячу километров было похоже на сувенирный снежный шар, где под стеклянным куполом кружились снежинки и какой-то такой же стерильно-праздничной была и атмосфера вокруг него. То есть здание было вовсе не из ряда вон таким пряничным домиком, наоборот, оно было полуторазэтажным сооружением непонятного первоначального назначения, обшитое чем-то тёмно-серым и блестящим с претензией на мрамор; больше походило на спрессованные мусорные пакеты. У фасада курили разные люди в одинаковых пиджаках и что-то весело обсуждали. Видимо, только что пришли на работу в свою то ли адвокатскую, то ли коллекторскую, то ли микрофинансовую контору – таблички Сергей не разглядел. Через дорогу невнятные грузчики разгружали стройматериалы, а солидный мужчина в джинсах и футболке поло зорко следил за процессом. По той же стороне улицы, навстречу поло-мужчине показательно небрежно дефилировала надменная женщина младшего пенсионного возраста с апатичным далматинцем на поводке. То есть картина перед глазами обыденная, но что-то в ней смущало. Будто видишь перед собой недоделанную ещё аппликацию, где все элементы собраны, расставлены по местам, но пока не приклеены к листу, поэтому не составляют единства: чуть коснись листа или подует ветер – всё полетит в разные стороны, безвозвратно развалится. Словно отдельно друг от друга грузчики и мешки с цементом, а хозяин мешков тоже от этого всего отдельно. Унылый пёс бредёт по своему собственному пространству отдельно от поводка и тротуара. И уж подавно отдельно от хозяйки, которую даже совместный всемирный эфир никак не объединяет с разными пиджаками на одинаковых людях. У этой молодой старухи аура упругая, напряжённая и пассивно-агрессивная, как скафандр. Пиджаки же обитали в своем пространстве – прокурено-инфантильном и вяло-

текущим по беспочвенности. Почему создатель этого коллажа бросил работу? Может, демиург заметил какую-то фатальную ошибку и ушёл в другое место творить что-то другое, научившись на горьком опыте? Или, сделав основную, главную и самую сложную работу, мастер оставил всё на попечение не весьма прилежному и старательному балбесу-ученику? Или мозаичный бизнес у хозяина отжали завистники, которые сумели отжать, но не сумели дела завершить? Или демиурга, творца, создателя и криэйтора никакого вовсе нет. Отсюда и результат, который на лицо, когда всё к месту, но неуместно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.